

Светлана
АЛЕШИНА

Срочно В НОМЕР

Сериал
«Попараци»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Светлана Алешина
Срочно в номер (сборник)
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961818

Алешина С. В. Срочно в номер. Погибать, так с музыкой: Повести.:

Эксмо-Пресс; Москва; 2001

ISBN 5-04-007821-8

Аннотация

Разоблачить шпиона иностранной разведки – такой шанс выпадает один раз из тысячи. И Ольга Бойкова, главный редактор криминальной газеты «Свидетель», упускать его не собиралась. Незнакомец утверждал, что он изобрел... вечный двигатель. Но за ним следит шпион иностранных спецслужб, который хочет похитить техническую документацию. «Псих или непризнанный гений?» – размышляла Ольга. В любом случае появился шанс сделать необычный репортаж. И Бойкова едет на место встречи изобретателя со шпионом...

Содержание

Срочно в номер	4
Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	67
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Светлана Алешина

Срочно в номер (сборник)

Срочно в номер

Глава 1

Так уж сложилось и повелось издавна, что мой рабочий день начинается с того, что Маринка приносит кофе и обрушивает на меня поток новостей, большую часть которых слушать мне неинтересно, но приходится. Если я проявляю неуважение к подобным разговорам, она обижается, и то, что происходит потом, бывает порой хуже, чем испытание ее болтовней.

Я уже устала ругаться с Маринкой и решила удариться в крайний стоицизм. Не помню точно, что означает это слово, но, как нам объясняли в университетском курсе философии, это учение проповедовали очень терпеливые мужики. Одному, помнится, во время спора ногу сломали, а он сделал вид, что не заметил этого. Другой сам себе вены порезал в ванне и при этом диктовал для записи свои ощущения.

Приблизительно так и я начала себя вести с Маринкой, чтобы чердак не слетел и нервы остались в порядке.

У моей секретарши даже шутки стали раздражающе однообразны, почерпнутые из одного источника – бытового электроприбора, имя которому телевизор.

Ну что это такое? Если она убегает на обед, то потом на элементарный вопрос: «Где была?» – отвечает что? Правильно, она отвечает: «Пиво пила!» И вовсе не потому, что на самом деле пила пиво, а потому, что ей такой ответ кажется остроумным.

Ха-ха два раза. Я уже и кривиться перестала, но перестать вздрагивать не могу. Так бы и застрелила ее из какой-нибудь базуки. Не насмерть, конечно, а только чтобы попугать, но застрелила бы.

Однако чтобы мне совсем уж не было скучно жить на белом свете, появился еще этот мужик. Как раз вчера, в понедельник. Другой день он, конечно, выбрать не мог. Понедельник и так сам по себе черт знает что, а не день. По понедельникам всем нормальным людям нужно автоматически бюллетени выдавать, потому что травматичность этого дня повышенная, и если не физическая, то психическая или моральная. Одним словом, день этот не для перегрузок, потому что он и так уже является экстремальным по определению.

Во вчерашний понедельник я, да и все мы, бойцы газетно-информационного фронта, плавно и бережно вели себя по отношению друг к другу и со скорбью осознавали, что для всех началась новая неделя, всем плохо, но совместными усилиями перетерпим и эту напасть, к обеду, даст бог,

втянемся в режим-с.

День тянулся, тянулся и заканчивался без происшествий, то есть без скандальных новостей и без острых репортажей. Ничего в этом, конечно же, плохого нет, но и хорошего немного.

Острый репортаж, являющийся профильным в нашей газете, – товар редкий и дорогой, и, пока он не вынырнет из моря житейского, приходится перебиваться перечислениями криминальных городских происшествий, что тоже само по себе интересно и наводит на околофилософские размышления.

Я уже давно обратила внимание на то, что существуют две плохо уловимые категории граждан, не поддающихся четкому статистическому учету, очень не стремящихся к лишним и личным встречам с работниками прессы и внутренних дел, однако именно они предоставляют нам постоянные материалы для самых лучших репортажей и журналистских находок.

Я говорю про новых русских и бомжей.

Так уж повелось, что и новостные колонки местных газет почти всегда отданы под информацию об этих двух подвидах граждан. Причем почти в равных долях, но это, разумеется, в тех случаях, когда к нам в город не приезжает Алла Пугачева с каким-нибудь Филиппом Киркоровым. В те дни лидируют, конечно же, они...

Бросив взгляд на настенные часы, я, закулив, вышла из-за стола и, подойдя к окну, выглянула в него. Меня интере-

совала реальная погода, а не те анекдоты, которые нам рассказывают по радио, обещая «местами-временами кое-что, но ничего особенного».

Увиденное за окном меня не обрадовало, но и не напугало: слякоть и ветер, ничего оригинального. За последнее время я уже привыкла ничему не удивляться. Снег с утра, а вечером почки набухают... Да ради бога! Жара с утра, а с вечера «буря мглою» как-то кроет? Да без проблем! Днем ананасы распускаются, а вечером ливень тропический? Да плевать, лишь бы машина заводилась хотя бы со второго раза.

Единственное, на чем можно было задержаться взгляду, относилось к погоде опосредованно.

Напротив моего окна через дорогу, проходящую в десятке метров от здания редакции, рядом с газетным киоском стояла очень нелепая фигура.

Это был мужчина, одетый как маскарадный шпион: в шляпе, надвинутой на лоб, и черном пальто с поднятым воротником. Помимо этого, на нем были темные очки, что само по себе смотрелось странновато для несолнечного дня, и вдобавок ко всему мужчина держал в руках развернутую газету. Он совершенно не обращал внимания ни на ветер, держащий газету сверху и снизу, ни на мокрые капли, летящие с крыш.

Персонаж этот показался мне настолько нелепым, что я им заинтересовалась и приблизилась к окну вплотную.

«Кино, что ли, снимается?» – подумала я, выискивая

взглядом неизбежных в этом случае операторов, любопытствующую толпу и суетливых помощников режиссера. Однако ничего из этого антуража не было и в помине. Даже просто прохожих на улице ни одного – мерзючая погода не располагала, наверное.

Пока я стояла, мужчина неожиданно поднял лицо к моему окну и, скомкав газету, несколько раз взмахнул рукой. Я даже отшатнулась от удивления. Впечатление было такое, что он увидел какого-то доброго знакомого и вот теперь приветствует его.

Я внимательно присмотрелась и уверенно подумала, что этого любителя чтения в темных очках не знаю. Потом сообразила, что, наверное, это какой-то Маринкин знакомый, и, скорее всего, она как раз в эту минуту выглядывает из окна в соседнем помещении, и это он машет ей, а не мне.

Объяснение успокоило, я опять взглянула на мужчину, он мне снова махнул, и я отошла от окна.

Хлопнув дверью, в кабинете появилась Маринка и, поведя скучающими глазами, спросила:

– Ничего нового не поступало?

– Не-а, – ответила я, стряхивая пепел в пепельницу, – никто не звонит, никто ничего не сообщает. Только твой дежурный Ромео под окнами торчит, а ты все жалуешься на убогость личной жизни.

– Какой Ромео? – настроение Маринки мгновенно изменилось, и она подбежала к окну.

– Около киоска, как на посту, – сказала я.

– Не знаю, кто это! – Моя секретарша покрутила головой и вернулась к столу. – Не знаю этого типа, шпион какой-то или просто дурак.

Она присела на стул для посетителей напротив меня и, сделав загадочные глаза, завлекательно произнесла:

– Мне кое-что по телевизору только что сказали...

У меня удивленно дрогнули брови от такого захода, но я решила поддержать разговор:

– И что же там тебе сказали?

– Газетка в Вашингтоне, называется «Вашингтон таймс», тиснула статейку про нашу Калининградскую область, – нараспев произнесла Маринка, – типа что-то там военные закопали, а теперь не признаются.

Я нахмурилась, собирая мысли в кучу, но честно призналась:

– Ничего не поняла. Смеяться после слова «лопата»? В чем прикол?

– Да никакого прикола нет, – улыбнулась Маринка, – тут суть вот в чем. Газетка эта не самая серьезная, ты не путай ее с «Вашингтон пост». Она печатает все подряд, лишь бы публике интересно было, но иногда вот берет и собачит что-то такое не совсем ординарное, и читатели чешут репу, думая: утка или не утка... А все потому, что у «Вашингтон таймс» есть какие-то там связи в военных кругах. Ну, поняла теперь?

– Поняла, – кивнула я, – не будем выписывать «Вашингтон таймс» – несолидно как-то. Впрочем, и «Вашингтон пост» тоже не будем.

– Правильно, там кроссвордов нет, – согласилась Маринка, – а если и есть, то неинтересные, но я тебе не про это. Давай покумекаем и сочиним какую-нибудь сенсацию, но осторожно, так, чтобы нас за руку нельзя было схватить, а? Ну, например: как сообщили нам из компетентных источников, близких к ФСБ...

– ...газета «Свидетель» начала резко желтеть, – закончила я. – Эту чушь еще Ромка в прошлом месяце предлагал. Не годится нам такой метод, сразу же потеряем авторитет.

– Брось! – прикрикнула на меня Маринка. – Ромка предлагал сочинить сенсацию, а потом сказать, что мы пошутили, а я предлагаю дать изящный намек! Не уловила? Ну вот хотя бы такой: стало известно, что в штаб-квартире ЦРУ заинтересовались Тарасовскими очистными сооружениями! То ли в шутку, то ли всерьез!..

– Так, все поняла! – я бросила окурок в пепельницу. – Достаточно! У тебя сегодня работы нет?

– Все у меня есть, – огрызнулась Маринка, – и идеи в том числе! А вот из-за таких, как ты, резонеров Тарасов до сих пор...

– ...не стал столицей нашей Родины! – крикнула я. – Уйди, Марина, я начинаю нервничать...

Маринка медленно поднялась со стула, нарочито медлен-

ной походкой вышла и тихонько прикрыла дверь, громко сказав, чтобы я слышала:

– Они нервничают. Тише, граждане!

Я решила не обращать внимания на глупые провокации и, поднявшись, прошлась по кабинету.

Права Маринка была в одном: скучноватыми получались последние номера «Свидетеля», и никакой фишки в редакционном портфеле не было.

Оказавшись около окна, я опять выглянула в него: странный мужчина, на которого я несколько минут назад обратила внимание, все еще стоял и читал газету.

Понедельник закончился тихо и мирно, и, закрыв помещение редакции, мы все вместе – я, Маринка, Сергей Иванович, Виктор и Ромка – вышли на улицу.

– Ты сегодня чем занимаешься? – спросила у меня Маринка.

– Буду размышлять о чем-нибудь сложном.

– Это еще зачем? – Маринка, не поняв скрытого смысла моих слов, вытаращила глаза и подошла ближе.

– Для таких размышлений требуется сугубое одиночество, – понятнее объяснила я.

– Ба, да мы никак обиделись! – Маринка презрительно наморщила носик. – А ты знаешь, что на обиженных воду возят?

– Вот я и вожу, – буркнула я, направляясь к своей ма-

шине и старательно прислушиваясь к звукам, доносившимся сзади. Маринкиных шагов слышно не было, и у меня даже немного стало улучшаться настроение. Действительно захотелось одиночества.

Я села в «Ладу» и завела мотор.

Пока движок прогревался, я осмотрела улицу, стараясь не оборачиваться назад, чтобы Маринка не приняла это за молчаливое приглашение ехать со мною. Ну не хотела я ее сегодня видеть у себя – и все тут!

Перед машиной кто-то быстро перебежал на эту сторону дороги и, приблизившись, распахнул переднюю дверь.

Через секунду рядом со мною сел тот самый чудаковатый мужчина, любитель чтения на свежем воздухе.

– Здравствуйте, а я к вам! – сказал он и уставился на меня темными стеклами своих очков.

– Ко мне – это не здесь, – ответила я. Слегка напуганная этим нашествием, я заговорила громко и резко: – Если вам нужно ко мне, то это вон в том здании и в рабочее время. А сейчас у меня свои планы.

– Мне очень нужно с вами переговорить! – Мужчина умоляюще сложил руки. – Вы же главный редактор «Свидетеля» Бойкова?

– Допустим, – я уже оправилась от некоторого замешательства и вот теперь-то оглянулась назад. А Маринки и след простыл! Так всегда! Когда нужно – никого рядом. И погибнешь ты, Ольга Юрьевна, в расцвете лет рядом со своим ра-

бочим местом, и никто не узнает, где могилка твоя!

– Так что вам угодно? Говорите быстрее и давайте расстаться, мне некогда! – Честно признаться, я не люблю, если ко мне вот так кто-то врывается в машину посреди улицы. Мало ли кем может оказаться незнакомец?

Я внимательно рассмотрела его.

Это был мужчина лет сорока. Кроме шляпы и темных очков, виднелись усы, прикрывающие верхнюю губу, а подбородок утонул в воротнике пальто. Спустя время – даже если и очень захочешь – не узнаешь: такая примитивная маскировка самая действенная.

– Я хочу вам рассказать о серьезнейшем преступлении, которое готовится в нашем городе! – очень быстро заговорил мужчина и вдруг резко замолчал. Задняя правая дверца машины распахнулась, и в салоне появился Виктор.

В отличие от Маринки, Виктор всегда умел прибывать в нужное место и нужное время.

Он был нашим редакционным фотографом и имел за спиной службу в армии как раз во время первой Чеченской кампании. Всю службу Виктор провел в роте разведки, и не знаю, то ли жизнь так повлияла, то ли он уродился таким, а может быть, и то и другое вместе, но Виктор умел быть молчаливым, как неразговорчивый глухонемой – то есть даже на жестах экономил, но одновременно, в случае необходимости, демонстрировал четко отработанные боевые реакции и рефлексy.

– Кто это? – испуганно задержался мужчина, вертя головой и оглядываясь на молчащего Виктора. – Кто это? Вы его знаете?

– Это сотрудник нашей газеты, – спокойно объяснила я. – Если у вас такое срочное дело и его нельзя отложить, пожалуйста, излагайте быстрее, и мы поедem по своим делам. А если... – я замаялась, но и так было ясно, что я хотела сказать.

– А вы бы не могли попросить вашего сотрудника выйти? – попросил мужчина. – Дело уж очень секретное.

– Вы пришли ко мне, чтобы что-то мне пошептать на ухо? – теряя терпение, спросила я. – Или передать информацию, пригодную для публикации в газете?

– Вообще-то... для публикации... да, – пробормотал мужчина и поправил опускающийся воротник пальто. Сейчас он был более похож не на лубочного шпиона, а на пойманного карманника.

Впечатление несерьезности происходящего лишь усилилось, и вслед за ним пришло вполне реальное подозрение, что против меня заваривается какая-то провокация.

– Ну, тогда непонятно, почему вы стесняетесь нашего сотрудника. – Я уже разозлилась не на шутку. – Все, что вы мне ни скажете, если это будет подкреплено доказательствами и вообще представит для нас интерес, будет напечатано, и весь наш персонал ознакомится с материалом еще до того, как будет готова верстка. Так что побыстрее, пожалуйста.

Мужчина в нерешительности пожевал губами:

– Тогда не могли бы вы отъехать куда-нибудь от этого места? Мне кажется, за мной следят на «Волге»...

Я ударила по педали и, снявшись со своей стоянки, завернула за угол здания редакции, въехала во двор и остановилась.

Если слежка за этим странным человеком велась на самом деле, то здесь, в глубине двора, имеющего только один въезд, преследующей машине ничего не оставалось, как въехать и тем самым обозначить себя. А для пешехода со двора существовали еще два выхода, причем на разные улицы.

Я уже несколько раз пользовалась этим простеньким приемом и не находила причины, почему бы сейчас не применить ту же тактику.

– Здесь мы в безопасности, – заверила я.

– Если бы так, – судорожно вздохнул мужчина и втянул голову в плечи. Поднятый воротник его пальто теперь почти касался полей шляпы. – Как вас зовут?

– Ольга Юрьевна, а вас?

– Меня? В смысле? Ах, да, меня... Меня зовут Александр Алексеевич Кислицын... Вот... Я изобретатель.

– Замечательно, – я кивком подбодрила Кислицына. – Ну и что вы изобрели? Надеюсь, не вечный двигатель?

– Не-ет пока. Но я уже на пути к нему. Сейчас делаю опытный образец. – Кислицын улыбнулся. – Понимаете, патентовать мое изобретение отказались, сказав, что нарушен второй закон термодинамики...

Через зеркало заднего обзора я переглянулась с Виктором, он взглядом молча спросил меня, не выкинуть ли столь талантливого гостя к чертовой матери. Я качнула головой, пока не решаясь на это.

– Не верите? – вздохнул Кислицын. – Никто не верит! Но дело-то не в этом.

– Конечно, создайте опытный образец, и пускай он поработает лет триста, а там мы посмотрим, – предложила я.

– Посмотрим, – повторил за мной Кислицын, глядя в ветровое стекло.

Я тоже посмотрела туда.

Во двор вошел парень в куртке и в надвинутой на глаза кепке. Он остановился, нерешительно покосившись на мою «Ладу», и пошел к мусорному баку, прижавшемуся к стене здания.

– Это по мою душу, – тихонько пробормотал Кислицын и, наклонившись, быстрым шепотом задышал мне в лицо:

– Я найду вас. Может быть, сегодня. А сейчас мне пора. Поверьте, это будет лучше для вашей же безопасности.

Согнувшись в три погибели, Кислицын резким движением распахнул дверцу машины и выкатился наружу. Пригибаясь, он побежал к узкому проходу, ведущему со двора на соседнюю улицу, и через несколько секунд исчез в нем.

Я перевела взгляд на парня.

Он как стоял к нам спиной, так и продолжал стоять. Не знаю, как до меня, а до Кислицына ему точно не было ника-

кого дела: он занимался своим.

– Вот уже и психи начали одолевать, – вздохнув, сказала я. – Спасибо, Виктор, без тебя было бы жутковато.

Виктор никак не отреагировал, словно и не услышал моих слов, и я выехала со двора. Психа Кислицына нигде не было видно.

– Тебя отвезти домой? – спросила я, но Виктор отказался, и я его поняла. Если возникала хоть какая-то, пусть эфемерная угроза для моей жизни, Виктор сразу же занимал пост по охране моей персоны. Это он сделал и сейчас, и, хотя после исчезновения Кислицына я не видела ничего, что могло бы мне помешать и дальше жить, как я жила до сего момента, все равно я не стала спорить и поехала вместе с Виктором к себе домой.

Если человека не слышно и почти не видно, то в трехкомнатной квартире при желании можно с ним жить не один день и вообще ни разу не встретиться за это время.

Основываясь на долгом опыте, я твердо знала, что Виктор никогда не помешает мне думать.

Я закурила и тихо улыбнулась, не в состоянии вспомнить ту сложную фразу, которую я залудила Маринке.

Ну, в общем, все это неважно.

По дороге домой я заехала в свой любимый обувной магазин, потом в другой, где была уже не только обувь, ну а потом и в третий.

Виктор как спутник был выше всех похвал. Кому-нибудь

доводилось видеть когда-нибудь мужчину, терпеливо ждущего даму в магазине около прилавка, около примерочной и перед кассой?..

Я раньше тоже не видела, но с тех пор, как познакомилась с нашим фотографом, поняла, что чудеса на свете случаются. Правда, и Виктор не без недостатков. Сколько ни показывай ему новый костюм, который я очень удачно купила в третьем магазине, ни восхищения, ни одобрения от него не дождешься. А ведь, кроме костюма, я купила еще кое-что, уместившееся в двух коробках и одном свертке, но Виктор и тут любопытства не проявил.

Ну ладно, все мы не без недостатков, поэтому больше не будем обсуждать Виктора. Расскажу лучше, что случилось потом. Хотя это и было не приятнее впечатлений от моей покупки, а гораздо хуже.

Мы подъехали к моему дому в самом начале девятого.

Я посмотрела на покупки, лежащие справа от меня.

– Возьмешь половину? – спросила я у Виктора, он кивнул, и я передала ему одну коробку и сверток.

Открыв дверь машины, я вышла и, захватив оставшуюся коробку и пакет с комплектом мягкого гипюрового белья, – блин, ну вот и проболталась! – замешкалась, вынимая ключ.

Виктор же вышел и спокойно захлопнул дверь за собой.

В это время от темной стены дома почти напротив «Лады» отделился силуэт. Это был, похоже, какой-то молодой человек в длинном пальто. Быстрым шагом он прошел через

заснеженный палисадник и направился в нашу сторону.

Я мельком глянула на него и поняла, что сейчас он пройдет мимо.

Парень, действительно, проходя мимо машины, внезапно затормозил и, наклонившись, заглянул в салон.

– Вам что-то нужно? – спросила я, оглядываясь на Виктора. Как хорошо, что он поехал со мною!

Не отвечая, парень пошел дальше, к дороге.

Я пожалала плечами и, заперев машину, подергала для верности за ручку. Не знаю, кто такой был этот любопытствующий тип, ничего против него не имею, но машину все-таки лучше запереть понадежнее.

Парень к этому моменту уже скрылся в темноте, его нигде не было видно, я присоединилась к Виктору, и мы направились к подъезду.

Тут со стороны улицы, противоположной той, куда ушел парень, показался еще один мужчина. Быстрым шагом он приближался к нам.

Я никогда не боялась неизвестных опасностей, да и вообще мало чего боялась, но сейчас у меня в руках был ценный груз, а дорожка к подъезду темная; исключительно из этих соображений и больше ни из каких других я изо всех сил вцепилась Виктору в руку. Никому же не хочется растянуться посреди дороги, да еще на глазах у мужчины.

Идущий к нам человек приблизился уже настолько близко, что мне показалось, будто я начала узнавать его – шляпа,

пальто, поднятый воротник...

Внезапно из темноты на него прыгнул тот самый парень, что заинтересовался моей машиной.

Я от неожиданности остановилась.

– Ай! Ай! – закричал мужчина в шляпе и бросился бежать к скверику, прочь от дома. Широко расставляя руки, парень помчался за ним.

– Ольга Юрьевна-а! – визгливо крикнул мужчина в шляпе, и тут Виктор, аккуратно положив на лавочку мои покупки, почти бесшумно ринулся на крик.

Он быстро догнал парня и сразу же взял его в оборот. П слышались звуки нескольких ударов и приглушенные вопли. Парень отпрыгнул в сторону, задержался, утер нос и шмыгнул прочь. Я как стояла перед подъездом, так и продолжала стоять, прижимая к груди коробку и наблюдая за происходящим.

Как я уже сказала, у меня в руках были пакет и коробка с дорогими для меня предметами, которые я не собиралась терять. Да и вообще зачем вмешиваться в мужские игры, если и без меня все уже само разрешилось? Ну, или почти само.

Но после того, как парень удрал, непонятки продолжились.

Я услышала, как спасенный мужчина громким голосом говорил Виктору:

– Не пойду! Не пойду, я сказал вам! Пустите меня!

Удивленная происходящим, я шагнула в их направлении

и пригляделась. Мужчина в шляпе – наверное, все-таки это был Кислицын, других подобных знакомых у меня нет, – быстро, почти вприпрыжку, пошел к углу дома и вскоре скрылся за ним.

Вернулся Виктор.

– Сказал, что зайдет завтра, – спокойно доложил он и взял с лавочки коробку.

– Это был изобретатель вечного двигателя? – спросила я.

Виктор кивнул.

Наконец мы с Виктором добрались до моей квартиры.

Я раздевалась в коридоре и рассуждала вслух, стремясь быстрее покончить со всеми делами, напоминающими работу, и заняться уже делами более приятными и радостными.

– Как думаешь, он похож на сумасшедшего, этот наш изобретатель?

Виктор пожал плечами и занялся в кухне бутербродами.

– Ну вот и я не знаю! Если бы не появился второй, вполне можно было бы предположить, что он псих. Но второй, который напал на Кислицына, подозрителен. А если это был просто хулиган?

Виктор опять пожал плечами.

Приободренная таким вниманием к моим словам, я продолжала рассуждать:

– Нелогичность его поступков вызывает сомнение в нормальности этого человека. Почему он не захотел подойти ко мне? Ты же предлагал, я слышала?

Виктор опять кивнул.

– Ну я так и поняла. Что это за дурацкие крики: «Не пойду, не пойду!» Если тебе есть что сказать, так говори, а если нет, тогда зачем все это?

Виктор неожиданно усмехнулся и, вопреки ожиданию, произнес:

– Сие – загадка. – После чего подошел к плите и поставил чайник.

Потрясенная его репликой и вообще тем, что немой вдруг заговорил, когда это было совсем необязательно, и не просто заговорил, а еще и пошутил, я так и осталась стоять посреди коридора с открытым ртом.

Очнувшись через какое-то время от столбняка, я принялась примерять и комбинировать туалеты. А много ли нам, женщинам, нужно в жизни? Да ни фиги, лишь бы все было красиво!

Кто-то мне еще позвонил, но я не взяла трубку – если придурки добрались уже до моего номера телефона, пусть думают, что меня нет дома. Кстати, для них меня дома и вправду нет.

Глава 2

Утром я почти уже ничего не помнила из вчерашних приключений, которыми одарил меня окружающий мир. Точнее сказать, помнила-то я все, да не заикливалась на этом и не переживала. Псих Кислицын? Псих! Ну и пусть!

На работу я поехала в «Ладе» пассажиром, нещадно эксплуатируя Виктора, потому что позволить себе крутить руль я не могла: не для того покупался новый костюм и делалась прическа.

Виктор на все это и внимания не обратил, но Маринка-то, я думаю, не пропустит зрелища. Визгу и разговоров хватит на полдня.

Так оно в общем и получилось. Только я представляла себе, что Маринка начнет ахать после того, как принесет кофе, но получилось, что мы с ней столкнулись у входа в здание редакции.

Поздоровавшись, Маринка уже раскрыла рот, чтобы начать расписывать свои впечатления от моего потрясающего внешнего вида, но тут из-за угла здания вынырнул вчерашний человечек в той же шляпе и тех же темных очках.

— Ну вот, — только и сказала я негромко, сама не зная точно, что я вкладывала в это «ну вот», но понимая, что вчерашний день не закончился, а самым неудобным образом продолжается и сегодня.

Поравнявшись со мною, Кислицын немного притормозил и, игнорируя Маринку, глядя на меня в упор сквозь темные очки, сказал:

– Я зайду сегодня к вам, – и пошел дальше.

Задумчиво посмотрев ему вслед, я пожалела о том, что приехала на работу. А ведь можно было и взять выходной. Кто был бы против? Я здесь начальник.

– Кто это? – тут же пристала ко мне Маринка, забыв про свои первоначальные планы. – Поклонник? То-то он вчера весь вечер под окном простоял. А как его зовут? Так это ты из-за него так расфуфырилась?

Я кашлянула и, немного наклонив голову вперед, прошла в редакцию. Показывать Маринке вчерашние покупки уже не хотелось. Придурок в шляпе испоганил все настроение.

Я разделась в кабинете, и тут же ввалилась Маринка с дискеткой в руках.

– Что это? – спросила я, приятно удивленная ее необычным заходом. Обыкновенно по утрам Маринка, если бывает в настроении, неустанно предлагает мне кофе с печеньем или же достает меня трагическими рассказами о своей очередной несчастной любви. Дискетка в ее руках с утра пораньше сулила какие-то сюрпризы.

– Это статья, которую я написала в свете вчерашнего разговора с тобой, – решительно заявила Маринка. – Пора нашей газете выходить на международный уровень и приобретать новое лицо.

– А почему ты думаешь, что это новое лицо будет твоим? – задумчиво спросила я и сунула дискетку в дисковод.

Это и в самом деле была статья. Но про что была она!

Маринка насочиняла, что «из конфиденциальных, но очень информированных источников, близких к некоторым сферам...»

– А это чтобы поймать за руку не могли! – с торопливой готовностью подсказала она, следя за тем, как я читаю. – Конкретно никого не называем, – прошептала Маринка и чихнула.

– Будь здорова, – спокойно проговорила я и продолжила чтение дальше уже вслух:

– «...Нам стало известно, что в виду Тарасова, справа от островного пляжа, если смотреть с нашей стороны... – я цыкнула и покачала головой: ну и стилистика, – ...затоплены три парохода с золотом, которые по приказу императора Николая Второго везли его на сохранение в Персию еще в 1916 году, и что в прошлом году несколько водолазов из спецгруппы «Громобой»...»

– Классно придумала, а? – не выдержав, спросила Маринка и, наклонившись, заглянула мне в глаза. – Название сама сочинила!

– «...спецгруппы «Громобой» сделала подробную карту донного рельефа...»

Дальше я читать не стала, вынула дискету и вернула Маринке.

– У тебя точно рельеф попортился. Извини, я хотела сказать, чердак слетел. Лучше бы ты написала парочку рассказиков про любовь, вот их, ей-богу, напечатали бы! – я выключила компьютер и бросила на стол пачку сигарет.

– Да кому это интересно! – воскликнула Маринка – Любовь! Морковь!

– Никому, что ли? – весело спросила я, закуривая.

– Никому!

– А почему же ты мне постоянно об этом говоришь, если сама знаешь, что это никому не интересно?! – воскликнула я.

– Ну, Оленька, ну, а вот этого я тебе...

Маринка, недоговорив, выскочила из кабинета как ошпаренная и сильно хлопнула дверь.

Теперь можно считать, что по-нашему, по-товарищески, один-ноль получается: она заподозрила меня в том, что Кислицын мой любовник, а я ей... ну, в общем, ясно что. Хвост прищемила!

После того как с Маринкой на сегодняшнее утро были выяснены отношения, я почувствовала прилив творческих сил и, покрасовавшись перед большим зеркалом, висевшим справа от двери, подошла к окну, выглянула из него и тут же отпрянула назад от неожиданности: клоун в шляпе опять стоял на своем месте и опять с развернутой газетой в руках.

Я быстро вернулась к столу и мерзко задрожавшими пальцами зачем-то затушила сигарету, но тотчас выбила из пачки следующую.

Прикурив от зажигалки, я, прошу прощения за искренность, выругалась.

Бывают в жизни такие слова и выражения, которые употреблять, может, и не следует, но никакими другими их не заменишь, если хочется точно и однозначно высказать свое раздражение.

Никогда еще я так сильно и сложно не ругалась, как сегодня.

Если я сейчас скажу, что этот мужик меня затрахал, то легко сообразить, в чем дело. Надоел он мне так, как даже Маринка еще ни разу не надоедала. У нее такие эффекты не получаются, значит, есть возможности для роста.

Я осторожно подошла к окну и, стараясь не высовываться, выглянула: Кислицын сворачивал свою газету.

Зазвонил телефон, я, отвлекшись, подошла и сняла трубку. Звонил Фима Резовский и витиевато, как он всегда любил и умел это делать, начал напрашиваться в гости, сперва только на работу.

Пока я, соблюдая правила игры, уклончиво отвечала ему, отворилась дверь кабинета и заглянул Ромка. Он скороговоркой проговорил что-то непонятное, не закрывая дверь, отошел от нее, и тут же ко мне в кабинет протиснулся Кислицын с портфелем в руках.

Я замолчала на полуслове, посмотрев на этого человека, как на привидение.

– Алло! Оля, ты куда потерялась?! – крикнул Фима в труб-

ку, и я, коротко проговорив, что перезвоню позже, закончила разговор.

– Здравствуйте, – Кислицын осторожно прикрыл за собою дверь.

Я кивнула и с тоской подумала, что если этот псих кинется на меня, то точно укусит, а помощь опоздает, поскольку обиженная Маринка теперь в кабинет из принципа нос не сунет.

– Присаживайтесь, – предложила я Кислицыну и сама осторожно опустилась в кресло.

– Мне нужно с вами переговорить по важному делу, – сказал он, отодвигая стул.

Я решила перехватить инициативу:

– У меня здесь не холодно и светло, – сухо проговорила я. – Вам шляпа с очками очень нужны?

– Какое это имеет значение? – Кислицын вздохнул и поставил свой портфель на колени. – К тому же у меня глаза болят от света... следствие работы с компьютером...

– Ну ладно, – согласилась я, – излагайте, и побыстрее, если можно, у меня много дел.

Я откинулась в кресле и пододвинула к себе телефон, предупредив на всякий случай:

– Мне необходимо позвонить через... – сделав вид, что я что-то прикидываю в уме и решаю, я закончила: —... Через пять минут. Так что времени у меня немного.

– Я – изобретатель! – с готовностью объявил Кислицын и

замолчал, ожидая эффекта от своих слов. Но его не последовало, потому что я уже это слышала и сама ждала, что же будет дальше. И дождалась.

Кислицын раскрыл портфель и показал мне целую пачку бумаг с какими-то чертежами. Он начал объяснять, что изобрел электронную схему для гиперуправления в разреженной среде и отработал основные чипы для робота-спасателя, а теперь бросил все и из принципа занимается вечным двигателем второго порядка.

– А как это, – спросила я, – второго порядка? А почему не первого или не третьего? – Я мало что понимала из сказанного, но, как человек культурный, поддерживала разговор, думая, чем же закончится эта преамбула.

– Вы кто по образованию? – спросил Кислицын. – Ах, филолог, ну тогда для простоты я объясню, что мой двигатель, конечно же, не вечный, потому что не существует в принципе вечных материалов. Не вечный – но достаточно долго живущий без замены основных деталей.

– И как долго он будет работать? – спросила я, не понимая, какое же, собственно, дело привело этого Эдисона ко мне. Продать, что ли, хочет? Или рекламу разместить? Непонятно. Скорее всего, действительно псих.

– Точно сказать не могу... – Кислицын развел руками. – Тысячу лет или пять... Не суть важно, важно, что и сто, и двести лет проработает... даже и не это важно, важно то, что моему двигателю не нужен будет внешний источник пита-

ния. Никакой!

– А за счет чего же он будет работать? – вполне логично спросила, вспомнив про автозаправки. – Если я правильно помню физику, есть какой-то закон, что, мол, ничего из ничего не появляется и в никуда не уходит.

Мне даже самой понравилось, как я мудро развернула вопрос. Все-таки журналистская работа учит добираться до сути, даже если эта суть не всегда понятна.

– Суть вы поняли верно, Ольга Юрьевна. – Кислицын погладил свои усы и поправил воротник пальто, не давая ему опускаться. – Мой двигатель будет перерабатывать тепловую энергию в электрическую, вот и все. Используется естественное тепло, которое путем несложных, но оригинальных методов переводится в...

– ...в розетку, – вздохнула я, понимая, что этот Кислицын не псих, а просто один из армии великих непризнанных изобретателей, который однозначно ошибся адресом. Как бы повежливей закончить разговор и выпроводить его отсюда, послав куда-нибудь в другое место, где к его идеям отнесутся не так легкомысленно, как я?

– В общем верно. Как хорошо вы сказали, «в розетку», – мягко улыбнулся Кислицын. – Ну, а что такое естественное тепло – это уже совсем просто. Помните про абсолютный ноль? Так вот, если сейчас на улице ноль по Цельсию, это же 270 Кельвинов! Что это означает?

– То, что с точки зрения Кельвина и не совсем холодно, –

нашлась я.

– То, что источник естественного тепла вечен! – Кислицын поднял палец и погрозил мне, как нерадивой ученице. – Практически вечен, пока не остыла наша планета.

Тут-то я решилась высказаться, потому что терпению моему пришел, мягко говоря, аут.

– Господин Кислицын, мне кажется, вы пришли не по адресу. Наша газета не научно-техническая и даже не научно-популярная. Мы не занимается изобретениями, какими бы замечательными они ни были.

– Я в курсе. – Кислицын внешне успокоился и даже пальчик опустил. – Я пришел к вам в поисках защиты, наверное, или, по крайней мере, имитации ее, потому что защитить меня никто не сможет, кроме меня самого, но мне нужен союзник, пусть и не активный, но достаточно заметный и сравнительно сильный. Я давно уже с интересом читаю вашу газету, – сказал он фразу, с которой, пожалуй, должен был бы начать свой познавательный монолог.

– Пока я вас не понимаю. – Я покачала головой и достала из пачки сигарету. Мне почему-то стало ясно, что даже если Кислицын немножко не в себе, то буйствовать не собирается. Вот если бы он новую водородную бомбу изобрел, это было бы угрожающе! А вечный двигатель, то есть мотор без дозаправки, – подумаешь!

Но после следующих же слов Кислицына мое настроение снова начало меняться.

Он наклонился ближе ко мне и тихо произнес:

– За мной следят и хотят похитить меня с моими документами или убить, но документы все равно похитить.

«Приплыли, – подумала я, – а ведь точно сумасшедший. Поздравляю, Ольга Юрьевна!»

Я незаметно протянула руку вперед и нажала кнопку вызова Маринки. Она не сильно, конечно, поможет, но все равно, хоть не так страшно будет.

– Вот вы наверняка подумали, что я псих, – заметил Кислицын, будто читая мои мысли.

– Что вы! Что вы! – Я постаралась произнести это как можно убедительнее, но поняла, что не верю самой себе.

– Подумали, подумали! А если бы не подумали, то я бы подумал, что у вас с психикой не в порядке, – любезно уточнил Кислицын. – Как раз считаю нормальным подозревать меня в таких делах, потому что уж очень неожиданные вещи я говорю.

В кабинет заглянула Маринка. Я откашлялась и попросила кофе.

Маринка кивнула, стрельнула заинтересованным взглядом по Кислицыну и испарилась.

– Вечный двигатель второго порядка – это мечта. Реальная, но мечта, – грустно заметил Кислицын. – Есть вещи более практичные. Например, средство передвижения, основанное на принципе гироскопа. Знаете, что это такое?

– Примерно, – соврала я, начиная скучать.

– Главная деталь – это вращающийся диск на свободной оси, сохраняющий стабильное положение при любых изменениях относительно плоскости. В данном случае я говорю про поверхность земли.

В кабинет, отворив дверь резким толчком плеча, вошла Маринка.

Кислицын опустил голову и продолжил:

– Опытный образец уже есть, и не один. Работают все нормально...

Маринка поставила перед гостем чашку с кофе.

– Спасибо, спасибо, мне не нужно, – равнодушно пробормотал он и продолжал, обращаясь ко мне:

– Испытания на стендах прошли в двух НИИ, патенты защищены уже в трех странах...

Кислицын проговорил это как бы про себя и, подняв голову, в упор посмотрел на меня. Если бы он был без очков, мне кажется, в его глазах я разглядела бы грусть.

– Это в принципе летающая тарелка. Потребление энергии небольшое, работать может даже на воде путем расщепления ее на водород и кислород. Устойчивость в полете феноменальная, скорости, развороты – все на уровнях, не достигаемых для любой техники...

– А в чем же дело? – меня опять начал заинтересовывать этот разговор. А вдруг он и вправду изобрел летающую тарелку? Полетаем...

– Деньги, – тихо проговорил Кислицын. – Все деньги, будь

они неладны! У науки нет денег, но есть много предрассудков. У военных много здравого смысла, но тоже нет денег. Они так ухватились за мою тарелку, что я думал: все, через пять лет уже ни одного самолета не останется для боевых дежурств. Они просто не нужны, потому что помимо технических характеристик и прочих условий, еще и дешевизна потрясающая... Одним словом, кто-то где-то порезал фонды, что-то не утвердили и не подписали, проект завис. Зарплату военным платить вовремя не могут, а тут какая-то тарелка... Баловство, одним словом, и врагов у нас в мире нет. Правда, и друзей нет, но это им кажется не страшным.

– Я пока не понимаю, – робко сказала я и бросила умоляющий взгляд на Маринку, застывшую как изваяние около двери. Почему же она молчит? Не понимает, что ли, что я не знаю, как мне вести себя с этим Эйнштейном? Сказала бы что-нибудь.

– Вот наконец-то я и подошел к сути своего визита. – Кислицын слегка повысил голос и приосанился. – Мною заинтересовались иностранные спецслужбы. Корреспондент малоизвестной газеты «Вашингтон таймс», – он кашлянул, а я, приоткрыв рот, уставилась на Маринку, которая тоже немного обалдела и явно передумала выходить из кабинета. Ведь именно об этой газете она сама мне вчера рассказывала!

Кислицын снова поднял палец вверх:

– Эту газету не нужно путать с «Вашингтон пост», та солиднее будет. Так вот, корреспондент уже месяц как ходит

вокруг меня кругами и предлагает продать всю техническую документацию. На завтра мне назначена последняя встреча и практически открытым текстом сказано, что или я продаю, или...

– Или вас убьют? – поняла я наконец, к чему было говорено все это сложное вступление. Ну что ж, в логике повествованию не откажешь. Долго только. И сложно.

– Нет, что вы! Или со мною прекращают переговоры.

– Что же тут угрожающего?

– В словах ничего, а в действиях много. Понимаете ли, если в моей квартире цепляют жучки, следят за моими передвижениями, это уже говорит о чем-то более серьезном, чем какая-то паршивая газетенка за океаном. Это не журналист – это агент, и он имеет именно ту цель, о которой я вам сказал.

– Шпион? – переспросила Маринка.

Она подошла к столу и села рядом с Кислицыным, очень заинтересованно поглядывая на него.

– Да, если хотите, можно и так сказать, – вздохнул Кислицын, полуповернувшись к ней.

– Минуточку, – я решила завладеть нитью разговора и попробовать все поставить на свои места. – Минуточку, – повторила я, – вы говорите про жучки. Почему вы уверены, что они есть и их поставил тот самый журналист?

– Я все-таки инженер, – обиженно хмыкнул Кислицын, – жучок – это передатчик направленного действия. Если есть передатчик, значит, есть и приемник. Не посылает же он сиг-

нал в космос. Но даже и в этом случае приемник все равно должен быть. Я определил приблизительный радиус действия этого жучка и незаметно обследовал окрестности вокруг своего дома. Одна машина вызвала мое подозрение, и я направил на нее электромагнитный импульс. Установочка несложная, левая даже, ее можно собрать из обычных радиотелефона и утюга. Как только я это сделал, из машины выскочил с наушником мой знакомый журналист: у него пропал сигнал, и он не знал, в чем причина этого. А теперь ответьте мне на вопрос: что же это за иностранный журналист, если он подслушивает разговоры с помощью такой спецтехники?

Я промолчала, но вопрос был, что называется, риторическим.

– А потом я обратил внимание на слежку за собой, – продолжил Кислицын. – Участвуют в этом примерно три-пять автомобилей. Три я точно знаю, уже записал их номера и модели, в двух пока сомневаюсь, но и так уже все ясно. То, что за мною следят и даже два раза попытались не дать возможности с вами встретиться, – вы сами видели.

– Ну возможно, допустим, – кивнула я. – А что же вы хотите от нашей газеты? Ведь мы не спецорганы, даже не милиция. Я бы вас поняла, если бы вы пришли в журнал «Щит и меч», например, да и то... я не вижу, чем бы они смогли вам помочь. Идите в ФСБ или...

Кислицын покачал головой.

– Что такое?

– Не пойду, – угрюмо ответил он.

– Почему же?

– Как почему? – переспросил Кислицын, словно я спрашивала, почему дважды два четыре. – Боюсь, вот почему! Сами будто не понимаете! Они работают грубо, по-старому. Нет никаких гарантий в том, что после того, как я обращаю их внимание на свою проблему, они не сделают своих выводов. Не хочется как-то отсидеть год в СИЗО, а потом попасть на скамью подсудимых и объяснять всем, что ты не верблюд. Телевизор смотрите, наверное? Вот так-то!

Я пожала плечами.

– Что же вы конкретно хотите?

– Вы же знаете этих иностранцев, они больше всего боятся, если их возьмут за руку и уличат в неджентльменском поведении. А уж тем более в таком деле... Я хочу вас попросить вот о чем. Завтра у меня встреча с этим шпионом около Верхнего рынка. Пришлите корреспондента с видеокамерой, пусть запишет нашу встречу. Этот корреспондент не сможет не заметить видеосъемки, а с прессой ничего не поделаешь, по крайней мере, таково их мнение. Я думаю, после этого они от меня отстанут.

Глава 3

Я задумчиво почесала кончик носа: разоблачить шпиона иностранной разведки, да еще не какой-нибудь украинской СБУ или румынской Сигуранцы, а как минимум ЦРУ – такого в истории журналистики я что-то не припомню. Поэтому отказываться от возможности сделать классный репортаж было бы просто неразумно.

– А вы позволите нам сделать серию статей об этом деле? – спросила я, переглядываясь с Маринкой.

Хоть и остались еще, естественно, подозрения насчет Кислицына, но ведь завтра можно будет реально убедиться – врет он или нет.

– Без проблем. Когда все закончится, – сразу же уточнил Кислицын.

– Давайте адрес вашего шпиона, – решительно сказала Маринка, – установим свою слежку за ним: как ходит по улицам, как задумчиво смотрит на наши заводы. Это будет классным вступлением к репортажу.

Кислицын покачал головой.

– После того как вы снимете наши с ним переговоры, вы сможете и сами все проследить и выяснить. Он живет у нас в городе, не скрываясь. Если же вы, не дай бог, обнаружитесь раньше времени, я не знаю, как он поступит. Может быть, убьет вас, а уж меня – точно. Он же профи, вы не забывайте,

а вы и ваши ребята при всех ваших способностях... ну, в общем, сами понимаете.

Мы поговорили еще с полчаса, уточнили подробности, и я, как девушка слабая и доверчивая, дала себя уговорить. Когда Кислицын ушел, Маринка, проводив его долгим взглядом, спросила:

– Ты с ума сошла или как?

– Сама так же думаю, – призналась я. – Если все окажется правдой, то не знаю даже, как себя поведет ФСБ... если все это окажется правдой.

– Прикроют нас. Сразу и навсегда, – мрачно предрекла Маринка. – И будут правы. Но это в лучшем случае.

– А в худшем? – лениво поинтересовалась я.

– Будем перестукиваться через стенку и встречаться в столовой.

– Пошла к черту, – искренне пожелала я и отвернулась к монитору компьютера, – работать нужно, а ты глупости говоришь.

– Сама такая. А если все это чушь и твой Кислицын псих? Что тогда?

– Во-первых, он не мой, а во-вторых, если все это неправда, то что мы теряем? – я не Маринку уговаривала, а себя, дорогую, и у меня это получалось.

– Только теряем время, – согласилась Маринка. – И кстати! Мы еще на рынке купим кофе для редакции! Убиваем заодно двух зайцев, так сказать, одним выстрелом... из ле-

тающей тарелки.

— А ты собираешься идти? — Я сама еще не думала об этом, но мысль была хорошая.

— Конечно, я тебя одну не пушу! — Маринка сильно закачала головой. — Ты же все на свете перепутаешь!

А я вот как раз не хотела с собою брать Маринку именно по причине того, что все перепутает она, но промолчала. Жизнь уже научила меня, что с Маринкой лучше не спорить — себе дороже выходит, и мозги жалко. После Маринкиных выкриков они у меня остаются надолго загруженными, а чистку диска не произведешь. Билл Гейтс еще не придумал такой фенечки.

Я заказала Маринке кофе и пригласила весь личный состав к себе на совещание. Нужно было обсудить предстоящую операцию и разработать стратегический план — не каждый же день приходится брать иностранного шпиона с личным.

— Ты думаешь, стоит такую информацию делать достоянием... — с сомнением произнесла Маринка, но я ее недослушала. Тоже мне, опасается, что это известие разойдется по коллективу! Я поспорила сама с собою на щелбан, что все, вплоть до Ромки, уже будут знать, о чем пойдет речь. Так оно и получилось.

Сергей Иванович пришел, испытующе поглядывая на меня, но молчал, садясь за кофейный столик. Виктор промолчал, потому что иначе жить не умел, а вот Ромка, тараща

круглые от нетерпеливого ожидания глаза, вошел и, запинаясь, по секрету доложил мне:

– А входную дверь я на всякий случай запер... и «Русское Радио» включил погромче.

– А это еще зачем? – не поняла я.

– Ну как же, – Ромка оглянулся к Маринке за поддержкой, – ну чтоб, значит, не подслушали!

– Что-то ты там, Марина, про информацию-то говорила? – улыбнулась я, но обозлившаяся на замечание Маринка только буркнула:

– Сама же отказалась, – и принялась разливать кофе.

Вопрос с завтрашним уловлением импортного шпиона с поличным был решен после спокойных и подробных обсуждений. Порешили выехать на операцию всем составом редакции и взять с собою не только видеокамеру, но и фотоаппарат – «чтоб кадров было побольше», как понимающе сказал Ромка. Дело намечалось необычное, внешне даже почти опереточное, поэтому и подошли к нему весело, но подробно.

После окончания рабочего дня мы вышли вместе с Маринкой и направились к моей «Ладушке». Мир был водворен: я призналась, что немного неудачно пошутила, а Маринка расхвалила мой костюм, но она начала первой – какие могут быть счеты между подругами?

Я зажала под мышкой сумочку, второй рукой вцепилась в Маринку, чтобы не оступиться и не попасть в лужу.

Справа от входа в редакционное здание стоял молодой че-

ловек в короткой куртке и черной вязаной шапочке. Когда мы почти поравнялись с ним, он повернулся к нам лицом и с задумчивым видом осмотрел сперва меня, а потом Маринку. Мне показалось, что думал он совсем не о двух замечательных девушках, сейчас проходящих мимо него, а о чем-то своем.

Маринка, как всегда не желающая пропускать ничего внимания, пусть даже и равнодушного, подняла голову и заговорила нарочито громко и вызывающе:

– О-оль! А завтра мы все встречаемся прямо там?

Хоть это и обсуждалось уже не один раз и не два, я терпеливо ответила невпопад:

– Да-да, не без этого.

Поправляя под мышкой свою сумочку, я отпустила Маринку и нащупала в кармане ключ от машины.

– Что ты там ищешь? – спросила Маринка. – Документы взяла с собою?

– Да-да, – все так же терпеливо ответила я, понимая, что Маринке нужно отыграть свою роль для этого мальчика, который еще неизвестно кого или чего ждет, может быть, просто размышляет, можно ли сходить по-маленькому за углом нашего здания.

Но Маринке же этого не объяснишь – ей важно произвести впечатление, и неважно на кого и почти неважно как, лишь бы оказаться в центре внимания. Или как минимум на периферии того же самого внимания, что тоже неплохо, если

подумать.

Молодой человек, как только мы с ним поравнялись, сделал шаг в нашу сторону и вдруг, резко дернувшись вперед, выхватил у меня мою сумочку, оттолкнул меня так, что я едва не села на землю, и бросился бежать прочь, прыгая по лужам.

– Ах, – только и успела крикнуть я, а Маринка так вообще только рот открыла и замерла, как городничий в финальной сцене «Ревизора».

Я беспомощно оглянулась назад. Появившийся из центрального выхода Ромка приоткрыл рот, чтобы спросить, что происходит, как мы с Маринкой обе крикнули ему:

– Сумку украл! – и показали руками на убежавшего со всех ног парня.

Ромка, не закрывая рта, рванул вслед за ним.

Разумеется, не догнал. Когда я уже садилась в машину, он примчался обратно весь красный, потный и, задыхаясь, начал рассказывать, как он быстро и хитро догонял этого вора, у того машина стояла за углом – уехал, да еще и грязью Ромку окатил.

Мы с Маринкой поморщились, поохали, почистили Ромке брюки и сказали ему спасибо. Старался все-таки мальчуган, не его вина, что у машины четыре колеса, а у него две ноги и раззява начальница.

– Вы уж больше одна не ходите, Ольга Юрьевна, – сказал он, и я честно пообещала, что, как только он вырастет, отдам

его на курсы телохранителей.

– Мне бы лучше в хакеры, я бы там больше пользы принес, – шмыгнул носом продвинутый представитель нового поколения и, ссутулившись, полез ко мне в «Ладу».

Сергей Иванович с Виктором появились несколькими минутами позже – они задержались в фотолаборатории. Я уступила Виктору место водителя, и мы все поехали ко мне домой. Завтра намечалась сложная операция, и если все-таки Кислицын окажется прав, то мне не хотелось распылять силы. Единогласно было решено остаться на ночь у меня, чтобы еще разок все обсудить и утром выехать вместе.

Уже дома, готовя ужин на всю компанию, я вдруг подумала, что неплохо было бы обеспечить себе юридическое прикрытие на случай каких-нибудь неожиданностей. И решилась вызвать Фимочку на срочную консультацию, отказавшись по телефону объяснять ему причину.

Фима примчался как раз к ужину. Рассчитывая и на него, я оставила ему порцию картошки по-французски – великолепная вещь, если не ошибиться с сыром!

Фима вооружился вилкой и ножом, словно только что слетел с великосветского раута у германского консула, и, страшно сморщившись, начал мне выговаривать и нудеть, что и он человек современный, и супруга его дама достаточно продвинутая, но...

– ...Но на ночь глядя, Оленька, вызывая меня на консультацию, можно же было все это проговорить по телефону ну

хотя бы вашему замечательному Сергею Ивановичу, а? Голос мужской, солидный, и даже через трубку ясно, что он джентльмен положительный и непьющий. Зачем давать возможность людям плохо обо мне думать?

– Будто твоя жена и впрямь ничего не подумала бы криминального! Это ты плохо о ней думаешь, Фима! – возразила я.

– Я о ней думаю не плохо, а правильно, мечта моя. Все дело во времени! Во вре-ме-ни! Там добавочки не найдется для голодной юриспруденции?

– Увы, – вздохнула я, – ты слишком долго ехал. Кофе будешь?

– Два раза! – жизнерадостно согласился Фима.

Маринка подала Фиме кофе в большом бокале, а я спросила, о каком времени он говорит.

– Да очень же все просто! – Фима счастливо улыбнулся и обвел взглядом аудиторию, убеждаясь, что его все слушают. Без этого убеждения он много терял в своем красноречии.

– Все элементарно, Оленька. Время – важнейший фактор! Если бы мне позвонил господин Кряжимский, – Фима достойно кивнул Сергею Ивановичу, – супруга моя сначала бы подумала, что вызов происходит на самом деле по делу, пardon за тавтологию, и протерпела с полчаса бы или даже с часик. Потом она стала бы думать, что же это за дело такое может быть на ночь глядя? На это ушло бы еще как минимум полчаса. Потом она начала бы возмущаться и нервничать,

постоянно отвлекаясь при этом на ребенка. Мой сын без папы постоянно начинает качать права, и с ним договориться сложно. Все это заняло бы минимум час! Итого: имеем два часа форы. Два часа! – Фима победно помешивал ложечкой в бокале, продолжая:

– Только через два часа она допустила бы мысль, что позвонивший мужчина, возможно, послужил ширмой для скрывающейся у него за спиной женщины! Она стала бы нервничать на эту тему, все-таки будучи неуверенной в том, что была женщина! Эта не уверенность дала бы мне еще один час, а потом бы и я появился как ни в чем не бывало. И она наехала бы на меня, пытаясь взять на испуг, ожидая, что я расколуюсь, но я, – тут Фима выпятил грудь и задрал подбородок, – но я бы стоял на своем, как стойкий оловянный солдатик, и все пошло бы своим чередом: чай, ванна, телик, спать. А что мы имеем сейчас? А сейчас мы имеем, что она уже сразу знает, что мне позвонила женщина, она в этом уверена и с полной определенностью нервничает на эту тему! Получается, что твой опрометчивый звонок украл у моей жены три часа неопределенности и сразу же дал неприятную определенность, вот! А это же мои нервы, мои испытания и мой сухой паек, потому что моя супруга – дама впечатлительная!

Маринка покачала головой и в тихом ужасе пробормотала:

– Ой, блин!

– Ой, блин! – повторила я за ней. – Что-то слишком слож-

но, адвокат, – сказала я, – ты не на трибуне. Бери лучше чашку в обе руки, не смей ею жестикулировать и слушай сюда.

– Сложно, несложно... в жизни на самом деле все просто, но мы сами все усложняем, – продолжил свой разгон Фима. – Ну почему бы тебе не передать трубку Кряжимскому или этому симпатичному юноше?..

– Ну хватит! – крикнула я. – У меня и без этих доводов голова кругом идет. Тебя пригласили для важного дела. Завтра мы будем с поличным брать агента ЦРУ, работающего у нас в городе под прикрытием газеты «Вашингтон таймс»! Понял?

– Че-го? – Фима открыл рот и по инерции поднес ко рту бокал с кофе. Так как он отвлекся и задумался, то не проследил и засунул себе в рот ложку.

Закашлявшись, Фима поставил бокал на стол.

– Ну вы, блин, даете! Сегодня первое апреля? – осторожно спросил он, обшаривая нас всех настороженным взглядом.

– К сожалению, все серьезно, – вздохнула я. – Самой не нравится вся эта история, но работать надо. Представляешь, какой будет репортаж?

– Я представляю, какой будет гемор, причем в любом случае, правы вы или нет! – вскричал Фима, резко краснея, что всегда происходило с ним от волнения. – Оля! Оля! Предлагаю дублирующий вариант: три бутылки вина тебе с Мариной, коробку конфет – юноше, нам с Сергеем Ивановичем – водочки и...

– Это ты мне устроишь после моего освобождения, – прервала я его.

– Ты думаешь, я доживу?

Фима наклонился над чашкой и помешал кофе ложечкой. Помолчав немного, он успокоился, собрался и, подняв голову, проницательно взглянул на меня:

– Диктуй информацию.

Ну я и продиктовала.

Фима почесал себе затылок, потом нос и откашлялся. Он взял со стола трубку моего телефона и начал набирать номер.

– Ты знаешь, – доверительно сказал Фима, заглядывая мне в глаза, – то, что у тебя тиснули сумочку, заставляет меня серьезно относиться к той хери, которую я только что услышал. Ты меня извини, но у тебя на лице написано, что бриллианты ты с собою не носишь. Возможно, что за твоим изобретателем все-таки проследили, тем более что маскировался он как клоун, а вел себя как придурок; проследили и подумали, что он оставил тебе какие-то показания. Все это домыслы и гипотезы, но не факты. Звоню жене.

– Зачем? Будешь ее убеждать, что занимаешься делом и ничем иным? – спросила я.

– Пусть проконсультирует, – серьезно ответил Фима. – Она же у меня в областном правительстве целый стул занимает, может, что и скажет интересного.

Фима набрал номер, дождался ответа и ласково зашептал в трубку всякие лживые слова.

Я демонстративно встала и ушла в комнату, чтобы не слышать всего этого. Нервирует.

Маринка, соскочив с табуретки, бросилась было за мной, но на втором же шаге любопытство пересилило, и она осталась, сделав вид, что ей страсть как важно именно сейчас залезть в холодильник.

Побродив по квартире и зачем-то помешав Виктору смотреть по телевизору новости – он не принимал участия в нашем совещании, наверное, справедливо понимая, что и без него все решат, а он в случае необходимости переделает по-своему, – я вернулась в кухню, когда услышала, как Фима разговаривает с Маринкой. Это означало, что Фима уже перестал общаться с женой.

Я попросила Маринку поставить еще кофе и, сев напротив Фимы, поинтересовалась, удалось ли ему надыбать что-нибудь.

– Ну что, есть такое дело, – пробормотал он. – Супруга поворчала, поругала, но с легким сердцем выдала мне информацию. На сегодняшний день в Тарасове находятся три иностранных корреспондента, один из которых не считается в принципе.

– Почему же? – удивилась я. – Негр, что ли?

– Почти угадала. Он из очень иностранного государства – из Киргизии, и фамилия его... забыл, какой-то там... баев, о чем свидетельствует и внешность. Ваш молодой человек похож на киргиза?

Я покачала головой

Маринка не удержалась и выпалила:

– Он был похож на негодяя.

– Это понятно, – улынулся Фима. – А вот два других корреспондента: немец из «Гамбургер Альгемайне», надо думать, приехал к нам рекламировать гамбургеры, – пошутил Фима, – а второй – американец, причем самый настоящий, но не из «Вашингтон таймс», а из «Файненшл дейли», штат Колорадо, его интересуется наш областной закон о земле. Вот так.

– А о чем это говорит? – спросила Маринка.

– Только о том, что не исключено присутствие корреспондентов в нашем городе. И больше ни о чем, – заявил Фима.

– А чтобы приехать к нам, им нужно получать какое-то разрешение? – снова спросила Маринка. – Они вообще имеют право так свободно разъезжать по стране?

– Тарасов не закрытый город, и здесь не происходят военные действия, – заметил Фима. – Особого разрешения не требуется, достаточно официальной аккредитации. Я так думаю, в международном праве я не совсем свободно ориентируюсь и сегодня же полистаю справочники. В любом случае если здесь обнаружат корреспондента, приехавшего на поезде или прилетевшего на самолете, то скандала не будет.

– Чтобы был скандал, ему нужно на воздушном шарике, что ли, прилететь? – раздраженно спросила я.

– Я в том смысле, что, кроме нарушения порядка въез-

да, инкриминировать ничего нельзя. Мы, если помните, по последней директиве Кремля живем в открытом обществе с демократией и гласностью, – улыбнулся Фима.

– Ну да, конечно! – Маринка шутливо хлопнула себя по лбу, и мы все рассмеялись.

После того как она подала новые порции кофе, мы с Фимой обсудили наш план завтрашней операции. Фима раскритиковал всю нашу тактику и стратегию в пух и прах.

– Чушь! – каркнул он. – Чушь! Не о том надо думать!

– А о чем же? – я удивилась и даже едва не поперхнулась кофе. – Не поняла тебя.

– Разворачиваю свой тезис, – важно ответил Фима. – Для вашей газеты вполне достаточно будет фотографий. Встреча, обмен рукопожатиями, ну а если и передача чего-либо из рук в руки – это даже более чем достаточно. Все равно вы основной массив информации даете текстом, а фотографии идут как иллюстрации.

– И что? – спросила я. – Дальше-то что?

– А то. – Фима настороженно покосился на обидевшую его ложку, торчащую из бокала, и, осторожно вынув ее, положил перед собой.

– А то, – повторил он. – Фотографии будут необходимы для газеты, а видеопленка – для предъявления в суд, если, не дай бог, вас туда притянут. Суд фотографии не учтет, там мало будет информативности. Вы поставьте человечка с видеокамерой на некотором расстоянии от места встречи, и пусть

он снимает все подряд: и вашего фотографа, и томительно ожидающего своего шпиона Кислицына. Когда они встретятся, снята должна быть и встреча, и фотограф, чтобы можно было доказать, что все это делалось в одном месте и в одно время. Ясно я излагаю?

– Достаточно, – ответила я. – Мне кажется, что, если я тебе задам еще пару вопросов, ответ будет таким же обстоятельным.

– Абсолютно, – разулыбался Фима.

Но я отказалась, потому что время уже было позднее и Фиме еще нужно было успеть домой до того, как его жена перейдет в третью или какую там стадию ожидания.

Фима посидел у меня еще с полчаса, твердо пообещав, что, если дела ему позволят, он обязательно и непременно тоже поприсутствует где-нибудь недалеко от Верхнего рынка, чтобы сразу же узнать все новости о событиях, как только они произойдут.

Как только Фима ушел, Маринка, сделав огромные глаза, сказала мне трагическим шепотом, презрительно кривя верхнюю губу:

– Как он сюсюкал со своей женой! «Пусик-сусик», аж противно стало, честное слово! Ты правильно сделала, что сразу ушла, мне нужно было сыру нарезать, вот и пришлось остаться... Так неприятно!

– Чего уж тут неприятного? – удивилась я, невинно глядя на Маринку. – Он любит свою жену, это же прекрасно! Ра-

доваться нужно.

– А... – Маринка нахмурилась. – А что же ты-то не радуешься?

– Мне некогда, – призналась я.

Глава 4

Спала я плохо: видимо, сказалась неординарность наступающего дня, и мне снились всю ночь то Джеймсы Бонды с пистолетами, то Путин с Ельциным. Не знаю почему. Путин, он хоть в госбезопасности работал, с ним все ясно по определению, ну а Ельцин, наверное, просто за компанию увязался.

Так как встреча Кислицына с корреспондентом была намечена на десять утра, ехать в редакцию смысла не было.

Мы не спеша позавтракали, еще разок перелили все, что можно, из пустого в порожнее и сверили часы, как военизированно назвал эту операцию Сергей Иванович. После того, как мы на него все одновременно глянули с уважением, услышав такие слова, он себя, наверное, ощутил если не фельдмаршалом, то уж точно начальником генерального штаба.

– Пора! – сказала Маринка и, вскочив с дивана, постаралась совершить переворот, взяв власть в свои руки. – Наступило время для подвигов, которые, надеюсь, не будут нам икаться всю оставшуюся жизнь.

– Все надеются, – вздохнув, отозвалась я и ревниво командовала Маринке:

– Вперед, нас ждут великие дела!

Ну мы и пошли вперед, потому что ничего больше не оставалось делать.

Верхний рынок в нашем городе раньше располагался на окраине. Раньше – это до революции, а сейчас, по прошествии времени, город разросся, и рынок уже считался самым центром. Одним словом, район престижный и во всякое время переполненный пешеходами.

Подъехав, я поставила «Ладу» за квартал от рынка, потому что ближе нельзя было найти свободного места, и, вздохнув, через зеркало заднего обзора взглянула на Маринку.

– Что с тобой, мать? – спросила она.

– Не знаю, – призналась я, – что-то мне неуютно.

– Со мною так всегда по утрам, – хмуро пробормотал Ромка. – Я думаю, это печень желчь гонит.

– Это ты гонишь, а не печень, а настроение плохое потому, что просыпаться так рано вредно для психики, – брюзгливо высказалась Маринка и открыла свою дверцу.

– Ну, кому сидим? Идемте ловить шпионов!

– Идемте, – обреченно сказала я и тоже вышла. Больше всего на свете мне сейчас хотелось поехать в свою редакцию и заняться там каким-нибудь скучным делом.

Мы вышли и, действуя по заранее обговоренному плану, разошлись по своим местам.

Виктор с равнодушным видом встал у столба светофора, чтобы в случае опасности сразу же прикрыть меня. Сергей Иванович, поправляя сползающие с его длинного носа очки, купил с яркой обложкой красочный журнал и пытался читать его.

Я, придерживая в сумке фотоаппарат, делала вид, что меня здесь вообще нет, и все мы, не сговариваясь, посматривали на здание рынка, где большой циферблат часов вот уже сто лет как показывал всем желающим точное время.

– Еще десять минут, – откашлявшись, сказал Сергей Иванович и снова уткнулся в журнал.

– А кроссворды в вашем опусе есть? – заговорщическим шепотом спросила у него Маринка, вертевшая головой в разные стороны в шаге от Кряжимского.

Сергей Иванович растерянно посмотрел на нее.

– Не знаю, Мариночка, – пробормотал он.

– Некогда нам заниматься этими глупостями, – резко сказала я, хотя и сама любила погулять с карандашом по кроссвордам. – Давайте занимать позиции, а там видно будет.

Позиции, которые мы заранее расписали, были известны всем.

Сергей Иванович, как самый старший наш товарищ, должен был находиться около фонтана с сотовым телефоном наготове, чтобы в случае чего вызвать милицию, если она понадобится.

Виктор, как я уже сказала, – рядом со мною, чтобы защитить меня от возможных посягательств врагов. Я стояла с фотоаппаратом в пятнадцати шагах от фонтана и, запустив руку в сумочку, ждала момента, когда нужно будет резко и быстро достать фотоаппарат и зафиксировать события для истории.

Маринка с видеокамерой в руках расположилась дальше всех, как и советовал Фима, на расстоянии приблизительно двадцати шагов от места встречи. Она очень удачно спряталась за дерево и в ожидании действия закурила.

К своей радости, я вскоре увидела маячившего около входа в рынок Фиму. Он со скучающим видом прогуливался в толпе около лотков и, поймав мой взгляд, кивнул и сделал ободряющий жест.

Теперь я знала, что, если с нами произойдет что-нибудь неординарное, Фима тут же материализуется в гуще событий и начнет качать права, упирая на свои адвокатские прерогативы и «Декларацию о правах человека».

Я взглянула на свои наручные часы, чтобы не дать себя обмануть часам на рынке, если бы они вдруг оказались не такими точными, как нужно.

Время подходило как раз к десяти.

Я подняла голову и осмотрелась, готовясь уже обругать и Кислицына, и себя, неразумную, поддавшуюся на эту глупейшую провокацию.

Кислицына я увидела практически сразу. Он подходил к площади перед рынком со стороны цирка. В своей обычной маскировочной форме, то есть в пальто, шляпе и очках. В руках Кислицын держал потрепанный кожаный портфель.

Мне кажется, он заметил меня, но ничем не выдал этого, что служило косвенным доказательством серьезности происходящего.

Кислицын остановился около первого лотка с детскими игрушками, вынул из кармана пачку сигарет и осмотрелся.

Он все делал не торопясь и, кажется, даже намеренно гораздо медленнее, чем следовало бы.

Держа в руках фотоаппарат, я почувствовала, что меня всю мелко потрясывает. Волнение усиливалось.

Кислицын закурил и, убрав зажигалку в карман, поправил на голове шляпу. Как вчера мы с ним условились, это было сигналом, что корреспондент появился.

Я покачала головой, подумав, что все это напоминает или детскую игру, или какой-то старинный фильм про шпионов, но делать было нечего, разворачиваться и уходить – просто глупо да и поздно.

Стараясь вести себя как можно более непринужденно – помимо своей воли я приняла условия игры, – я осмотрела проплывающую мимо Кислицына толпу и сразу же выделила из нее молодого человека среднего роста в черной короткой куртке. Из-под клетчатой кепки молодого человека падали на плечи длинные каштановые волосы. Он курил длинную сигарету и казался чем-то глубоко озабоченным.

Он шел медленно, и сразу было видно, что он кого-то ждет, или прогуливается, или просто тянет время. В это время в этом месте люди обычно мчатся целеустремленно за конкретными и простыми вещами: купить или продать. Время фланирования еще не настало.

Я осторожно посмотрела влево, потом вправо и усмехну-

лась про себя, подумав, что шпиона с болтающимся на шее автоматом и свисающими сзади стропами парашюта нигде не видно.

Повернувшись и посмотрев на Кислицына, я увидела, что замеченный мною молодой человек подошел к нему и кивнул.

Я подняла фотоаппарат. Кислицын не подал руки молодому человеку, а, наоборот, свою правую засунул в карман пальто, немного отклонился назад и, как мне показалось, начал что-то резко говорить своему собеседнику. Молодой человек слушал, немного наклонив голову вперед, ничем не выдавая своего отношения к происходящему. В отличие от Кислицына, он казался поразительно спокойным, даже равнодушным.

Я сделала несколько кадров, и тут произошло что-то непонятное: Кислицын вздрогнул и начал заваливаться назад. Молодой человек спокойно вынул из кармана куртки левую руку, подхватил из рук Кислицына портфель, ни намеком не демонстрируя желания поддержать его.

Я нервно продолжала щелкать, понимая, что происходит что-то страшное.

Кислицын, раскинув руки, упал на спину.

Сквозь объектив я видела Сергея Ивановича, метнувшегося от фонтана к Кислицыну, и зафиксировала это, а затем перевела фотоаппарат на уходящего с портфелем молодого человека.

Патлатый юноша, сделав от упавшего Кислицына шаг в сторону и влево, враз оказался затесавшимся в толпу и встал за столб со светофором.

Обходя столб с дальней от меня стороны, он быстро осмотрелся по сторонам, и в какое-то мгновение мне показалось, что наши взгляды встретились. Я сделала еще пару кадров, радуясь, что фотографии получатся такие замечательные, и вдруг поняла, что этот парень смотрит прямо на меня.

Я опустила фотоаппарат. Между нами было шагов пять-семь, и это расстояние мне показалось ужасно маленьким.

Засунув фотоаппарат в сумочку, я почувствовала, что находиться в этом месте и в это время немножко вредно для здоровья.

Молодой человек обогнул полукругом столб и с помощью этого маневра оказался совсем близко, идя ко мне быстрым решительным шагом.

Я в растерянности оглянулась и не заметила рядом с собой Виктора. Получалось, что я оказалась один на один с матерым убийцей. В том, что это убийца, я теперь не сомневалась.

Отступив на шаг назад, я только теперь увидела Виктора, который был уже впереди меня и неуловимым движением приблизился к патлатому парню. Но тот был настороже.

Виктор поднял руку, но парень оказался быстрее. Он толкнул проходящую мимо девушку, та с визгом повисла на Викторе, и тут парень, прыгнув, нанес ему сильнейший удар

по шее ребром ладони.

Виктор упал. Девушка – на него.

Последний бастион моей обороны пал в одну секунду, и приходилось применять самый надежный метод спасения: организованное, но безоглядное бегство.

Подхватив свою сумочку, я самым позорным образом бросилась бежать, но не к машине, стоящей за углом, потому что не надеялась, что успею в нее запрыгнуть и завести мотор, а к дороге, находящейся рядом в двух шагах.

В самом худшем случае я намеревалась буквально броситься наперерез машинам, перебежать на противоположную сторону и там затеряться среди пешеходов. В самом лучшем случае я рассчитывала попасть в твердые и надежные руки какого-нибудь сержанта милиции, выслушать внушение и уплатить, черт с ним, штраф.

Прекрасно понимая, что шпиону нужна была не я, а пленка в фотоаппарате, на которой зафиксировано убийство Кислицына, я потому и помчалась через дорогу, не обращая внимания на резкие сигналы и визг тормозов. Перебежав на другую сторону, я ступила на бордюр, буквально осыпанная пожеланиями всяческих неприятностей на мою бедную голову.

Милиционера нигде не было, и, отбежав еще несколько шагов, я оглянулась назад, не увидев за собой преследователя.

Не доверяя своим глазам, я прошла почти квартал до большого косметического салона и только здесь остано-

лась, переведа дух.

Встав около двери салона, я осмотрелась по сторонам, вытягивая шею и стараясь разглядеть не только вблизи проходивших людей, но и тех, что шли за ними.

Патлатого убийцы не было видно.

Я начала успокаиваться, вынула из сумочки пачку сигарет и тут чья-то рука схватила меня сзади за плечо. Взвизгнув, как перепуганный котенок, я отпрыгнула в сторону, едва не свалив лоток с книгами.

Испугавшая меня Маринка стояла, поддерживая сумку с камерой на плече, и укоризненно качала головой.

– Ты что, с ума сошла? – крикнула она. – Дурой сделаешь с такими шутками!

Я промолчала, хотя на такую аппетитную фразу и у меня было что ответить. Я спросила о другом:

– Где он?

– Кто «он»? – прищурилась Маринка, но тут же сообразила. – А, тот парень? Он удрал куда-то... а к Кислицыну твоему «Скорую» вызвали.

– Что с ним? – спросила я, все еще продолжая осторожно оглядываться по сторонам, но уже более успокоенная. Когда со мною рядом оказалась Маринка, я почувствовала себя гораздо смелее: Маринка хоть всегда заорать может.

– Не знаю, – пожала плечами Маринка, – пойдем спросим. И мы с ней направились обратно к рынку.

– Ты так быстро ломанулась, что я тебя даже потеряла из

вида, — начала трещать она, не в силах сдержать свои впечатления.

— Ты все сняла? — спросила я у нее, ощупывая фотоаппарат, словно сомневаясь в его существовании.

— Все-все! Почти целый фильм получился. Документальный, — похвасталась Маринка. — Я и небо сняла, и часы на рынке, и деревья...

— Что-что? — остановилась я, словно столкнулась с невидимой стеной. — Какие еще деревья? Чем ты занималась?

— Чем нужно, — обиделась Маринка. — Пока ничего не происходило, мне же нужно было попробовать, как работает эта техника? Нужно. Ну а когда появился твой изобретатель, я сняла все: и как он упал, и как ты драпанула, и как Виктор... ой! — Маринка замолчала и испуганно взглянула на меня.

— Что еще? Что с Виктором? — сразу же напряглась я. — Что с Виктором?

— Н-не знаю, — пролепетала Маринка. — Я только сейчас подумала, что даже не посмотрела, как он там, а сразу побежала за тобой.

Не говоря больше ни о чем, мы пошли к рынку и уже на самом подходе к нему наткнулись на всю оставшуюся компанию — Виктора, Сергея Ивановича, Ромку, поедающего мороженое.

— Ну, наконец-то, Ольга Юрьевна! — воскликнул Кряжимский. — Где это вы пропадали?

— Мы волновались, — встрял Ромка и едва не мазнул меня

своим мороженым.

– Не помню, гуляла, наверное, – буркнула я, подходя к Виктору.

Тот с виноватым видом стоял в отдалении.

– С тобой все нормально? – спросила я.

Виктор кивнул.

– Только ушибы и больше ничего, – тут же доложил Ромка. – Вы не волнуйтесь...

Сергей Иванович, заметно передергивавшийся, с очками слегка набекрень, нервно вздрагивал рядом с Виктором.

– Его увезли, – быстро сказал Сергей Иванович.

– Кого? – не поняла я.

– Что? Ах, да, Кислицына! Представляете, Оленька, у него пулевое ранение в область сердца, и, кажется, уже все. То есть он умер.

Мы в молчании дошли до моей машины. Рядом с ней маячил перевозбужденный сверх всякой меры Фима. Увидев нас, он чуть не подпрыгнул на месте.

– Что происходит?! – заорал он. – Куда вы все разбежались?! Да знаете ли вы, что здесь творится?

– Знаем, знаем, – ответила я. – Садись за руль, поведешь, я не могу. Виктору лучше отдохнуть.

Фима осмотрел нас, словно пересчитывая: оказалось, так оно и есть.

– А кто не поедет? – спросил он. – Если все, то мест не хватит.

Пришлось признать его правоту, к тому же Виктор резким жестом дал мне понять, что с ним все в порядке.

– Я перезвоню не позже чем через час, – заявил Фима, – а вы пока печатайте пленку, но без меня ничего не предпринимайте. Ситуация сложилась очень интересная... хм... с точки зрения следствия. Будущего следствия, я имею в виду. Создается впечатление, что вы имеете на руках все доказательства преступления, но!.. Оля, видишь, насколько это все серьезно! Я тебя прошу!

– Я уже поняла, – сказала я. – А ты хочешь сказать, что все изобличающие преступника улики сейчас находятся у меня и у Маринки?

– Ишь ты, как загнула! – встрепнулся Фима и встал в позицию лектора. – Ничего подобного, душа моя. Я сказал про доказательства, но не про улики! Уликой считается только санкционированная видеосъемка, следовательно, никакой суд не примет ваши пленки ни как доказательство, ни как оправдание обвиняемого. К сведению принять, однако, может, но в этом случае...

– Не грузи, Фима, – простонала я. – Я поняла, что пока нас никуда тянуть не будут. И мне этого достаточно.

– Опять неправильно говоришь, – поправил меня Фима. – То, о чем ты сказала, называется укрыванием фактов. За это – статья.

– Пока, Фима, – остановила я его. – Перестань пугать, и так уже страху натерпелись... Я, по крайней мере, точно.

– И я тоже, – подтвердила Маринка, не желающая ни в чем отставать от меня. Даже в признании себя трусихой.

Глава 5

Виктор сел за руль, я рядом с ним, все остальные разместились сзади.

– Ты только аккуратнее води! – потребовала Маринка и постучала кулаком по подголовнику сиденья водителя. – Что-то у меня предчувствия нехорошие.

Виктор тронул машину с места, а я, полуобернувшись в Маринкину сторону, проговорила:

– Не предчувствия, а воспоминания, Марина. Воспоминания действительно не ахти какие. Все-таки человека убили.

Маринка, открыв рот, разогналась было поспорить на тему воспоминаний и предчувствий, но Сергей Иванович успокаивающе похлопал ее по руке.

– Самое неприятное, что, похоже, по всем статьям Кислицын оказался прав, – задумчиво проговорил Сергей Иванович. – Он же вам говорил, Оленька, что, если откажется продать документы на свое изобретение, его могут и убить...

– Вот его и убили, а у нас куча доказательств! – перебила его Маринка, совсем позабыв, что собралась со мною спорить. – И пленка, и видеозапись, не считая уже свидетелей! Представляете, какая бомба завтра разорвется, когда выйдет наша газета?!

– Давайте сначала посмотрим, что мы там наснимали, а потом уже будем решать, что у нас есть, а чего нет, – сказала

я, и на этом разговор закончился.

Приехав в редакцию, мы все разошлись по своим местам: Виктор – в лабораторию, проявлять мою фотопленку, Сергей Иванович – за компьютер, делать статью, Маринка занялась кофе.

Я прошла в свой кабинет; сняв плащ и поправив прическу, подумала, что необходимо принимать какое-то решение. После просмотра видеозаписи нужно звонить и делиться информацией с компетентными органами, поэтому я решала сложный вопрос – с кем именно делиться, пока у меня был еще выбор.

Вариантов имелось три. Первый, самый простой: позвонить в РОВД и сообщить о наличии у нас материалов. Второй сложнее: узнать в больнице, кому поручено расследование, и позвонить этому конкретному человеку. Третий был простым, но неприятным: позвонить майору Здоренко и сдать ему.

Майор Здоренко, один из руководителей городского ОМОНа, был человеком шумным, грозным и весьма неуживчивым.

Меня даже передернуло, когда я о нем подумала, но каким бы сложным ни был характер майора, все-таки как-то мы с ним ладили. А вот с новым человеком еще неизвестно, как сложатся отношения.

Справедливости ради нужно заметить, что майор несколько раз здорово меня вырочал, нещадно при этом ругая.

Я закурила и медленно перебрала в памяти всех своих знакомых в Тарасовской милиции, перед тем как сдаться моему громогласному краснолицему майору.

Тяжко вздохнув от предчувствия близкого решения, я вышла из кабинета.

– В какую больницу увезли Кислицына? – спросила я у Сергея Ивановича.

Он поднял задумчивое лицо и, немного сконфузившись, ответил:

– Вы знаете, Ольга, я даже не спросил об этом никого.

– Он что, был уже... уже мертв?

– По-моему, нет, он еще дышал, это точно. – Сергей Иванович поправил очки и кашлянул. – Но сами понимаете: в него выстрелили практически в упор...

Я отыграла пальцами несколько аккордов по крышке Маринкиного стола и проговорила:

– Ну что ж, принимаю командирские решения. Значит, так. Вы, Сергей Иванович, пожалуйста, узнайте, куда отвезли нашего Кислицына. Ты, Марина, давай сюда свою пленку, Виктор уже печатает...

Я оглянулась и наткнулась на вопросительный взгляд Ромки.

– А я, Ольга Юрьевна?

– Ты, Ромка, тоже займись чем-нибудь, – закончила я.

– А ты, – ревниво спросила Маринка, передавая мне касету, – статью будешь писать?

– Хуже, – усмехнулась я. – Я буду звонить в РУБОП майору Здоренко, пусть приезжает и получает все, что мы нащелкали и наснимали. Вот так.

– Ты хочешь отдать ему наши материалы? – негодуя воскликнула Маринка. – С ума сошла!

– А ты хочешь попасть под суд за сокрытие улик? – поинтересовалась я. – Мне не хочется. Если сегодня утром я еще сомневалась в словах Кислицына, то сейчас почему-то начала ему верить на сто процентов. Даже сама не знаю, что это такое со мной произошло. Колдовство, наверное, какое-то, не иначе.

– Да ясно все, хватит издеваться, – буркнула Маринка. – Ясно, что придется отдавать, но почему именно этому майору? Мне, например, его просто видеть не хочется. Опять орать будет!

– Еще как будет! Но лучше иметь дело с ним, чем с каким-нибудь незнакомым следователем. Верно я говорю, Сергей Иванович?

– Несомненно, – ответил Кряжимский.

Маринка промолчала, продолжая заниматься кофе.

Я вернулась в кабинет с кассетой, и тут зазвонил телефон. Я подумала, что это Фима спешит сообщить, что он не в состоянии приехать, а потому помедлила брать трубку и решила дать ему возможность немножко понервничать. Уж если обещал – нужно выполнять.

Положив визитницу, вынутую из нижнего ящика, на стол

перед собой, я еще раз взглянула на верещавший телефон и, смилостившись, взяла трубку.

– Главный редактор газеты «Свидетель» Ольга Юрьевна Бойкова, здравствуйте, – нарочито сухим официальным голосом произнесла я.

– Здравствуйте, – произнес в ответ незнакомый мужской голос. – Вас беспокоят из Кировского РОВД, следователь Петренко Евгений Павлович.

– Слушаю вас, – ответила я, сменив интонацию. Точнее, она сама сменилась. Мне стало интересно, что нужно этому следователю. Неужели до меня уже добрались, пока я размышляла, кому отдать предпочтение?

– Это вы со своими сотрудниками полчаса назад делали репортаж около Верхнего рынка? – спросил господин Петренко, и мне пришлось с этим согласиться:

– Да, я. А как вы узнали?

– Для этого выезда вы не догадались украсть машину и выехали на своей, – пошутил Петренко, и от этого грубо рубленного юмора мне стало совсем грустно.

Я поинтересовалась, чем могу помочь нашим доблестным органам, и услышала:

– Я хотел бы изъять у вас весь отснятый материал. В интересах следствия, чтобы он был в РОВД, а не находился в частных руках. Вы согласны со мной?

– Пожалуй, да, – ответила я. – Но, как вы заметили, репортаж делали мы, надеюсь, вы не лишите нас всех матери-

алов? Все-таки мы выпускаем газету.

– Я сейчас подъеду, и мы с вами все обсудим, – сухо ответил Петренко. – Приготовьте пока пленку.

– Хорошо.

Положив трубку, я с неудовольствием посмотрела на нее и закурила. Вмешательство незнакомого следователя грозило испортить всю малину, в смысле – шиш я могу получить, а не статью, тем более с фотографиями. А вот майор Здоренко, покричав и потопав ногами, мог предоставить мне такую возможность.

Приходилось обдумывать резервный вариант.

Я отодвинула кресло, выбралась из-за стола и вышла из кабинета.

Сергей Иванович, подняв голову от компьютера, сказал, что Кислицына должны были отвезти в шестую городскую больницу, потому что она сегодня дежурная по городу, и, скорее всего, именно туда и отвезли. На вопрос о состоянии Кислицына из больницы отвечали, что таких справок они не дают, но приглашают приехать и самим это выяснить.

– Что за чушь? – вмешалась Маринка. – А если его там нет? Я что же, должна по всему городу кататься?

– Он там, – устало сказала я. – Скорее всего, милиция их предупредила, поэтому врачи так и отвечают. Если бы они ничего не знали или Кислицына не было в больнице, так бы и сказали: мол, нет или не знаем. А этот уклончивый ответ как раз и наводит на мысль, что он там.

– Дедукция? – догадалась Маринка. – А у меня уже кофе готов. Будем поглощать?

– Будем! Кстати, Сергей Иванович, на всякий случай, чем можно заменить статью об этом происшествии в номере?

– А что случилось? – Сергей Иванович снял очки и начал нервно их протирать, обдумывая ответ.

– Пока ничего, – сказала я, – но мне звонил уже какой-то следователь из РОВД: хочет изъять пленку...

Я произнесла это и вспомнила, что мне было сказано именно так: «пленку». Мелькнула мысль, что видеокассету можно было и зажать, тем более что мы сами еще не видели, получилось ли на ней что-нибудь или нет... но с другой стороны...

– Быстро они отреагировали, – покачал головой Кряжковский. – Как узнали?

– По номеру машины, – ответила я.

– Я так и думала! – воскликнула Маринка. – Нужно было такси поймать! Э-эх! – она стукнула себя по колену. – И вообще мы плохо продумали пути отхода!

– Ну ладно тебе, генштаб! – буркнула я. – Кофе где?

Маринка открыла рот, потом медленно закрыла его и, повернувшись к кофеварке, нагнулась над ней.

В это время дверь редакции отворилась и вошел незнакомый мужчина.

Мы все как по команде повернулись и взглянули на него. Мужчина был весь какой-то средний. Средних лет, сред-

него роста, одет в серое пальто, а на его голове плотно сидела серая кепка.

Откашлявшись, он спросил:

– Где ваш главный редактор?

– Главный редактор – это я, – я сделала шаг вперед. – Вы по какому делу?

– По служебному, по какому же еще! – ответил мужчина и представился: – Петренко из Кировского РОВД, я вам звонил не так давно.

– Быстро вы, однако, приехали, – заметила я. – Ну что ж, заходите в кабинет. – Я показала на дверь и, повернувшись к Маринке, сказала:

– Поторопи, пожалуйста, Виктора, скажи, что мне пленка нужна как можно быстрее.

– Ага, – Маринка, прищурившись, рассматривала следователя, словно в нем увидела нечто замечательное.

Засмущавшись под ее взглядом, следователь наклонил голову и закашлялся.

– Проходите, господин следователь, – сказала я, открывая дверь кабинета.

– Да-да, спасибо, – пробормотал он и вошел в кабинет первым.

Зайдя следом, я закрыла дверь за собой и показала остановившемуся в нерешительности Петренко на стул для посетителей. Сама же, обойдя стол, села в кресло.

Петренко снял кепку, обнажив бритый череп, и вопроси-

тельно взглянул на меня. Как раз в этот момент в кабинет зашел Виктор. В руке он держал развевающуюся размотанную пленку; она еще была влажной.

– Вот, наверное, то, что вам нужно, – сказала я, радуясь, что Виктор появился так быстро.

Петренко привстал со стула и протянул руку, но Виктор, спокойно обойдя его, подал пленку мне.

– Это та самая? – спросила я у Виктора.

Он кивнул.

– Спасибо. Не взглянув на набычившегося Петренко, наш фотограф вышел из кабинета.

Я задумчиво покрутила пленку в руках. Что греха таить, мне было жаль ее отдавать. Жаль практически готового материала, который теперь предстоит заменять чем-то другим, хоть я и понимала, что для репортажа время еще не подошло. Ведь убийство Кислицына накладывало вето на публикации об этом деле, пока не будет получено разрешение от следователя. От этого вот лысого Петренко.

А он словно угадал мои мысли:

– Как только закончится следствие, или даже раньше, мы разрешим вам сделать копию с пленки и использовать некоторые кадры в вашей газете, – пообещал следователь, не сводя с пленки глаз.

Я кивнула.

– Разрешите посмотреть? – все-таки он не выдержал и протянул руку.

Я передала пленку, Петренко просмотрел ее на просвет и удовлетворенно кашлянул.

– Хорошо, Ольга Юрьевна, хорошо, – проворчал он. – Теперь вот еще какое дело. – Петренко скатал пленку и спокойно положил ее в карман своего пальто. – Мне, как вы сами понимаете, необходимо взять показания у вас и вашего персонала. Это можно сделать официально, а можно и, так сказать, в неформальной обстановке. Здесь, например. Здесь и сейчас, есть такая передача по телевизору. Я записывать пока ничего не собираюсь: мне кажется, вы не откажетесь потом от своих слов. Ведь так не будет, что сейчас вы мне скажете одно, а потом, в РОВД, совсем другое? – Петренко с показной хмуростью взглянул на меня. Юмора в его интонациях и глазах я не уловила, но понадеялась, что он все-таки шутит.

– Конечно, нет, – с максимальной убежденностью заверила я.

– Ну и прекрасно! – обрадовался следователь, и я удивленно взглянула на него, подумав, до чего же должен быть загнан человек на своей работе, если простым словам о честности он так откровенно радуется?

– Меня предварительно интересует... тезисно, так сказать. Если можно, будем беречь время друг друга... как все началось? – негромко косноязычно начал Петренко. – Что вам сказал Чернавский и, так сказать, на кого он показал?

– Простите, кто сказал? – переспросила я. – Какой Чер-

навский?

– Вы что, не знаете Чернавского? – Петренко впервые взглянул на меня с откровенной враждебностью. – Ольга Юрьевна, так все было хорошо, и вдруг такая лабуда пошла, простите, пожалуйста...

– Так, давайте по порядку, – спокойно предложила я.

– Давайте по порядку, – кивнул Петренко и, подняв запястье, взглянул на часы, – только побыстрее, ладненько? Начнем с того, что к вам пришел Чернавский и...

– Никакой Чернавский ко мне не приходил, – решительно ответила я, – по крайней мере ко мне лично. Ко мне приходил Кислицын, и не один раз. А фамилию Чернавский я впервые слышу.

– Кислицын приходил к вам? – медленно переспросил Петренко, и, заметив в его блеклых глазах искреннее удивление, я удивилась сама.

– Вы уверены, что к вам приходил именно Кислицын? – медленно, по слогам, словно говоря с идиоткой, спросил Петренко. – Зачем он к вам приходил? Что говорил?

– Да много чего, – пожала я плечами, не улавливая пока сути разговора. – Например, про свои изобретения рассказывал. Про вечный двигатель... А потом... – я хотела сказать, что потом пошел разговор об иностранных шпионах, но Петренко уже вскочил со стула и нервно затеребил пуговицу своего пальто. Я непонимающе смотрела на него.

– Про изобретения, значит, – повторил Петренко, – про

эти изобретения я слышал. Кислицын, Ольга Юрьевна, он же не просто Кислицын, он заслуженный изобретатель России, вы знаете это? Он долго работал на оборону... – Петренко резко замолчал и отрывисто спросил:

– Про тарелку он тоже говорил?

– Это вы о летательном аппарате, устроенном по принципу гироскопа? – я блеснула отнюдь не эрудицией, а хорошей памятью.

Петренко открыл рот, потом закрыл его и быстро проговорил:

– Мне, к сожалению, пора, Ольга Юрьевна. Вы сами даже не понимаете, какую ценную информацию дали мне. То, что Кислицын был у вас и рассказывал про тарелку, а Чернавский на самом деле не заходил... А вы уверены, что Чернавского не было?

– Да я от вас впервые слышу эту фамилию! – повторила я.

– Все, до свидания, мне пора! – скороговоркой бросил Петренко, распахнул дверь и, оглянувшись, сказал:

– Я позвоню, Ольга Юрьевна, до свидания!

– До свидания, – немного озадаченная, я вернулась к столу.

Поведение Петренко удивило меня какой-то, как мне показалось, нарочитой, даже киношной горячностью. Но что я заметила точно, так это его потрясение при моем упоминании про тарелку. В мыслях у меня крутились фамилии Чернавский-Кислицын, Кислицын-Чернавский.

Я пожала плечами, вынула из ящика стола пачку сигарет и закурила. Взгляд упал на кассету, отданную мне Маринкой. Я себя чуть по лбу не стукнула ладонью: забыла кассету-то отдать!

Получается, что придется отдавать ее в следующий раз, все равно вызовут на допрос, никуда от этого не денешься.

В кабинет вошла моя секретарша с подносом, на котором стояла джезва с кофе.

– Будешь? – спросила она.

– Давай, – согласилась я, – все равно сейчас совещание нужно начинать. Забрал у меня следователь фотопленку...

– А кассету оставил? – спросила Маринка, ставя поднос на кофейный столик.

– Да забыла я про нее, а он как-то быстро собрался, даже не поговорили с ним толком, – шутливо пожаловалась я. Одно понятно – не скоро мы получим разрешение публиковать материал об этом деле. С Петренко, чуе мое сердце, так просто не договоришься.

– А ты кассету еще не смотрела? – быстро спросила Маринка, кивая на видеомэгнитофон, стоящий в углу кабинета.

– Нет еще. Времени не было.

– Ну ты даешь! А если там не получилось ни фиги? Давай включим?

Я уже несколько охладела ко всей этой истории: все равно статьи не получится в ближайшем номере, поэтому и не стала поддаваться ажиотажу.

– Вот все соберемся... – нудно проговорила я.

– Так все уже готовы! – выпалила Маринка и выскочила из кабинета собирать народ на традиционное кофепитие.

Все расселись по своим местам, и я, подав видеокассету Виктору, попросила вставить ее в видеомагнитофон.

– Кино будем смотреть? – попробовал пошутить Ромка, но никто не улыбнулся.

Виктор, взяв в руку пульт, сел за кофейный столик напротив меня.

Он протянул мне пульт, но я покачала головой:

– Рули сам, чего уж тут...

В полном молчании мы просмотрели запись. Маринка-за-раза, получив в руки видеокамеру, не удержалась и сняла не только все возможные окрестности, но даже еще каких-то прохожих. Однако все, что нужно, у нее получилось неплохо.

Я снова увидела Кислицына, смешной походкой, как-то боком подходящего к убийце, потом их разговор и все, что последовало за этим.

В конце записи изображение запрыгало.

– Это я побежала за тобой, Оль, – пояснила Маринка. – Ты такого стрекача дала, что постоянно из кадра выпрыгивала.

– Выпрыгнешь тут, – проворчала я, глядя на себя, улепетывающую со всех ног через дорогу, – машин-то сколько!

– Вот я и удивилась, что ты прямо под колеса бросилась! – сказала Маринка. – Бегу и думаю: ну и репортажик классный получится! Кислицына убивают посреди города, а тут еще

и наш главный редактор героически погибает под колесами какого-нибудь дришпака! Хит сезона, мне дают Оскара как лучшему документалисту года!

— Ах ты... — я не нашлась, что сказать, и даже задохнулась от возмущения. — Ах ты... банка кофейная!..

— Да я же шучу! — закричала Маринка. — Сергей Иванович, скажите вы ей, что я пошутила! Ты совсем, что ли, шуток не понимаешь?

— А если твоих дурацких шуток люди не понимают, не надо шутить! Не надо шутить! — проорала я и вскочила со стула. — Оскара ей!.. За режиссуру, что ли?

— Ну да, — успокаиваясь, ответила Маринка. — Конечно же, за режиссуру, за что же еще? И тебе Оскара. За исполнение главной роли. Посмертно.

Я открыла рот, чтобы высказать сразу все, что я думаю сейчас о Маринке и еще подумаю в будущем, но тут Ромка встал и выбежал из кабинета.

Я проводила его подозрительным взглядом и прислушалась.

Сюда в кабинет доносились голоса нескольких человек. Опять редакция была осчастливлена посетителями.

Глава 6

Вернувшийся Ромка принес на хвосте неожиданную весть.

– А к вам из милиции пришли, Ольга Юрьевна! – сказал он, пожимая плечами.

– Опять? – я переглянулась с Маринкой и встала посреди кабинета, раздумывая, что мне делать: выйти к гостям или принять их здесь.

Виктор выключил телевизор и видеомэгнитофон и положил пульт на кофейный столик перед собой.

Сергей Иванович начал приподниматься, Ромка кашлянул, намекая, что ждет указаний, и мне стало как-то неудобно разгонять моих друзей-сотрудников из-за того, что кому-то захотелось со мною перекинуться парой слов.

– Я сама переговорю, – сказала я и вышла из кабинета.

В редакции топтались две подозрительные личности мужского пола.

Обоим приблизительно тридцать – тридцать пять лет, одеты в потертые кожаные куртки и грязные ботинки. Стоящий ближе ко мне – более полный и широкомордый, чем его товарищ, – еще держал в зубах незажженную сигарету и поигрывал зажигалкой. Таких клиентов в «Свидетеле» я еще не видела. Они даже на бандитов не тянули внешним видом, так, какие-то люмпены, бывшие работяги, а теперь честные

предприниматели по цветным металлам.

Наверное, на моем лице отразилось впечатление от увиденного, потому что первый, тот, что с сигаретой, на секунду потупил глаза и потом, перекатив сигарету во рту справа налево, пробурчал:

– Здрасьте, мы бы хотели начальство ваше увидеть. Где оно? На обеде, что ли?

– Я главный редактор этой газеты, – сказала я. – Что вам угодно?

Посетители переглянулись, и тогда на авансцену выступил второй мужчина.

– Мы из милиции, – сказал он, осматривая меня веселыми глазками и взмахивая в воздухе красной книжечкой. – От вас звонили в шестую горбольницу по поводу одного пострадавшего. Откуда вы узнали о нем?

– Это наш сотрудник вызвал «Скорую помощь», – ответила я. – Естественно, он потом позвонил узнать, каково состояние этого человека. Кстати, мы так и поняли, что он там, хотя ответить прямо нам отказались.

– Естественно, отказались, потому что дело непростое, – сказал мордатый, – а с вашим сотрудником можно переговорить, он сейчас здесь?

– Переговорить-то можно, да зачем? – спросила я, и у обоих милиционеров удивленно дрогнули брови. – Буквально только что от нас ушел следователь, мы с ним обо всем переговорили. Он обещал позвонить, когда ему нужны будут

подробности. Но, впрочем, если вы настаиваете...

– Хотелось бы, знаете ли, – настырно надавил мордатый, но его товарищ заинтересованно спросил:

– А кто, говорите, у вас был?

– Да, действительно? Это от кэпэясэшников, что ли? – спохватился мордатый. – Из какого отдела?

– Да нет же! – раздражаясь на человеческое недомыслие, проговорила я. – Сказала же вам, следователь приходил. Следователь по фамилии Петренко из Кировского РО-ВД. Мы с ним переговорили, и он ушел. Обещал и меня, и наших сотрудников вызвать на дачу показаний позже.

Оперативники переглянулись и синхронно пожали плечами.

– А какое отношение кировцы имеют к этому делу? – тихо спросил худощавый у мордатога.

– Рынок-то к Кировскому району относится, вот какое. Если там уже взяли дело в производство, то, получается, мы зря промотались, – ответил тот и пожевал сигарету. – Херня в общем, как обычно!

– Что-то вы, девушка, говорите вещи не совсем понятные, хотя и так бывает, к сожалению, – обратился ко мне худощавый. – Разрешите, я от вас позвоню?

– Конечно, звоните, – ответила я, чуть пододвигая к нему телефон, стоящий на Маринкином столе и досадуя на неповоротливость бюрократии МВД, можно сказать, убили человека в центре города, а они по одному и тому же делу посы-

лают друг за другом целые табуны сотрудииков.

Подумав так, я тут же со злорадством сообразила, что, когда выяснится принадлежность к убийству иностранца, все милицейские потуги станут тщетными: все равно дело передадут в ФСБ. Я тут же вспомнила, что, кроме меня и моих друзей и коллег, пока никто не знает о шпионе, а загнанный по жизни Петренко фактически и не поговорил со мной.

В это время отворилась входная дверь в редакцию и на пороге появился Фима. Он уже вошел, открыв рот для шуточного приветствия, но, увидев незнакомых людей, сразу нахмурился, изобразив занятость и суровость, отрывисто сказав:

– Здравствуйте, Ольга Юрьевна. Вы сейчас заняты?

– Это товарищи из милиции, – сухо сказала я.

– Значит, адвокат лишним не будет, – значительно произнес Фима и, кивнув обоим оперативникам, подошел ко мне.

– Уже наносят визиты? – тихо спросил он.

– Уже второй, – ответила я, – второй визит. Все из разных ведомств.

– Как это из разных? – Фима заинтересованно оглядел моих гостей.

Мордатый в это время что-то бубнил по телефону, прикрыв трубку рукой и отвернувшись к стене, худощавый, приветливо улыбаясь, хотя это выглядело несколько издевательски, смотрел прямо на Фиму.

– Я Резовский Ефим Григорьевич, адвокат госпожи Бой-

ковой, – продекларировал Фима. – Нельзя ли посмотреть ваши документы, господа?

– Можно, если есть желание, – с ленцой ответил худощавый и вынул из кармана корочки. Он развернул их перед Фимой, и тот, потянув время, изучил документ.

– Спасибо, – поблагодарил Фима, – спасибо, не обижайтесь, пожалуйста, но, сами понимаете...

– Да ничего... – отмахнулся худощавый, – без проблем.

Мордатый оперативник закончил разговор и плавно положил трубку на рычаг.

– Разбираются. Тоже поругались немножко, – сказал он своему напарнику.

– О чем речь? – обратился ко мне Фима. – Или вас, Ольга Юрьевна, это не касается?

– Так себе, – ответила я. – Следователь приходил, но из другого отдела. Теперь вот ребята выясняют, кому заниматься этим делом.

– Сразу следователь пришел? – Фима на секунду задумался, и я заметила, как оба оперативника с беспокойством переглянулись.

– И чего хотел? – спросил у меня Фима.

– Спрашивал, – равнодушно ответила я и повернулась к оперативникам.

Те, словно ждали этого, сразу же изобразили на лицах радостное желание поскорее уйти, о чем и заявили практически одновременно.

Я с ними попрощалась, выслушала комплимент с надеждой на будущую встречу, и, когда дверь за ними закрылась, обратилась к Фиме:

– Что делать будем?

– В каком смысле? – Фима воровато осмотрелся и, подойдя ко мне, обнял за плечи.

– Переволновалась, Оля? – спросил он.

– Да причем тут переволновалась я или не переволновалась? Человека убили, у нас информация есть, а тут происходит какая-то ерунда...

– Ну-ка, ну-ка, – Фима опустил руку, и я пошла к кабинету. – Рассказывай!

Мы вошли с ним в кабинет, и я рассказала про свою встречу с Петренко.

Фима яростно чесал себе лоб, бросая на меня мрачные взгляды.

– Что-то я не понимаю, – пробормотал он, садясь на свободный стул около кофейного столика. – Что-то я ничего не понимаю! Причем не понимаю по-крупному. Давай-ка излагай по порядку.

– Вам кофе налить, Ефим Григорьевич? – спросила у Фимы Маринка, нарочито официально намекая, что он ее не заметил.

– Что? – Фима бросил на нее сосредоточенный взгляд. – Нет, не хочу. Оля, – он опять обратился ко мне, – ты у Петренко документы проверила?

– Нет, а зачем? – спросила я, чувствуя, что, похоже, я не права в этом вопросе, но именно сознание собственной неправоты заставляло меня упираться. Не признаваться же в собственном промахе, да еще при всех?!

– Так-так, – теперь уже Фима начал чесать свою верхнюю губу. – А когда пленку отдала, ты у него расписку взяла?

– Господи! – воскликнула я. – Какая еще расписка? За что?! Эта пленка стоит – полтинник! Какая может быть расписка? Или ты думаешь, что мне бухгалтерия всю печень проест за растрату?

– Причем тут бухгалтерия? – Фима бросил чесаться и заерзал на стуле. Мне захотелось пошутить и напомнить фразу из старого анекдота: «Помылся бы ты, заяц», но следующие же слова Фимы заставили меня встревожиться.

– А если он изъял пленку без расписки, то она по закону вещдоком быть не может. Ее к делу не подошьешь, не получится.

– Ты знаешь, он, этот Петренко, был какой-то странный, – призналась я, – ну, то есть не сразу же он стал странным, а когда начал бормотать про своего Чернавского, на психа стал похожим. Кстати, ты не знаешь, кто такой этот Чернавский?

– Понятия не имею, – ответил Фима, – понятия не имею, но что-то мне тут все не нравится. Я, конечно, понимаю, что после убийства и переживаний у вас мозги поплыли, но не так же сильно, честное слово!..

– Выгоню, – спокойно пообещала я, – прямо сейчас и к

чертовой матери.

– Я глупо пошутил, – с готовностью признался Фима и поднял руки вверх. – Прикажи, и я сам себе откушу язык. Но не приказывай, пожалуйста, я на жизнь зарабатываю, по-жалей семью.

Я достойно промолчала, позволяя Фиме думать все, что ему угодно. Меняя тему, Фима спросил:

– Ты, Оля, никому из органов не звонила?

– Да нет же, говорят тебе. Сами начали приходить.

– Не те приходят, причем вдобавок и ведут себя как-то... – он замолчал и поморщился.

– Да, Оленька, – проговорил Кряжимский, – нужно обращаться напрямую в ФСБ, это дело как раз по их части, а наши загруженные работой милиционеры работают не по тому профилю.

– Совершенно верно, – подтвердил Фима. – Вчера у тебя на квартире я, грешным делом, подумал, что вся эта история чепуха и ерунда. Несерьезная какая-то. Сегодня, пока я бе-гал без вас, я позвонил кое-куда и, к сожалению, своих зна-комых из конторы не нашел. Кто в командировке, кто хрен знает где, а это дело требует осторожности и понимания. Так что вы, здесь собравшиеся, действовали не из злого умысла, но исключительно по недомыслию, потому что мысли ваши были заняты тиражами, а не безопасностью отечества.

– Фима, прекрати! – не выдержала я. – Ты не можешь го-ворить нормально, постоянно сбиваешься на судебную тав-

тологию.

— Пардон, пардон! — Фима шутливо похлопал себя по губам. — Я тут прикинул так и эдак, но, кроме твоего краснорозжего майора, подвязывать сюда некого. Он не из той компании, но сможет подтвердить, что вы тут... — Фима замолчал, подыскивая эпитет, но, махнув рукой, скомкал эпилог. — Короче, звони ему, вызывай, и будем ему описывать ситуацию. А то херня какая-то получается: журналисты ловят шпионов, шпионы убивают наших людей, милиция изымает вещдоки в нарушение всех инструкций... Короче, звони и зови. Времени терять уже нельзя.

Я осмотрела свою команду. Сергей Иванович мне кивнул, Маринка пожалала плечами, Ромка покраснел и шмыгнул носом. Виктор, как всегда, вел себя так, словно его тут и нет.

Я подошла к своему столу и набрала давно выученный наизусть номер рабочего телефона майора Здоренко. Объяснив дежурному, кто я и кого хочу, стала ждать. И дождалась.

— Бойкова! — рявкнул мне прямо в ухо голос моего страшного майора. — Тебе чего? Опять труп нашла? Или сразу два?

— Здравствуйте, товарищ майор, — робко сказала я. — Как жизнь?

— Ты мне это брось! — сказал Здоренко. — Говори коротко и ясно, мне некогда тут рассусоливать. Что случилось? Еще быстрее!

Давно уже привыкнув к нетерпеливой манере майора, я собрала с духом и выпалила:

– Сегодня около рынка убили известного изобретателя Кислицына. Я имею материалы по этому делу и прошу вас срочно приехать!

– А почему срочно? – неожиданно спокойно спросил Здоренко. – Что там у тебя есть?

– У меня есть видеопленка, была еще фотопленка, но ее изъяли, а, кроме того, на основании вчерашнего разговора с Кислицыным я могу точно указать если не исполнителя, то заказчика преступления.

– Ты уверена в своих словах? – в голосе майора послышался ядовитый сарказм, но я не стала возмущаться и коротко ответила:

– Да.

Майор помолчал.

– А кто это у тебя изъял фотопленку?

– Следователь, – ответила я.

– А ему твоих фактов оказалось мало, и ты решила еще мне намотать на уши лапшички, да? – в голосе майора Здоренко уже слышалась нескрываемая ирония.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.